

Ольга Квирквелия
Мировая копилка
Сицилии

«Все дороги ведут в Рим». Все дороги ведут из Рима. Из Рима в мир. Из древности в вечность. Такие разные. Такие похожие. Нет, это не Россия. Это Италия. Но взгляды: то тут, то там мелькнет знакомый пейзаж. Ибо все дороги ведут в Рим. А из Рима – в мир.

Повороты истории. Перекрестки судьбы. Тропа легенд. Пора в путь.

100 ясных дней в году

Sicilia – самый большой регион Италии и самый большой остров Средиземноморья 25708 кв. км и 5 млн жителей. К Сицилии относятся и многочисленные острова – Зольские, Устика, Эгадские, Пантеллерия и Пелагские. Регион Сицилия находится в центре Средиземного моря: его самая южная часть, Лампедуза – крайний пункт Европы и от него 113 км до Туниса и 200 км – до Сицилии, от Пантеллерии вообще 70 км до Туниса. Есть легенда, что Бог, сотворив мир, огляделся и понял, что чего-то не хватает. К тому же у Него осталось всех красок и ароматов понемногу. И тогда Он создал Sicilia – с синим морем и голубым небом, зеленой травой и оранжевыми апельсинами, красным огнем и черным пеплом. Sicilia, по утверждению ученых, раньше вовсе не была островом. Она являлась ставной частью некоего участка суши, который связывал между собой Европу и Африку. Здесь более 100 абсолютно ясных дней в году. Остров – значит, море. Но в Сицилии есть еще и 4 горных массива во главе с Этной – крупнейшим и самым высоким активным вулканом Европы, который греки считали кузницей бога Гефеста. Этна – довольно молодой вулкан, родившийся всего пару миллионов лет назад. Леонардо Шаша назвал ее «огромным домашним котом, который мирно посапывает и иногда просыпается» – и когда просыпается – приносит жертвы и разрушения...

Вокруг нее есть термальные источники, а из кратера вытекает река Alcantara, пробившая себе русло в лаве с отвесными склонами глубиной до 20 м. Ее ущелье просто потрясающе! На вершину ведет лифт, но, конечно, пройти хоть немного пешком – сильное искушение...

Кстати, судоходных рек в Сицилии нет, а те, которые есть, летом высыхают почти до дна. Парк Этны с греческих времен знаменит собаками cirneco, здесь же – каштан dei Cento Cavalli (100 лошадей) – 60 м в обхвате и возраст 3600-4000 лет. В парке dei Nebrodi – прекрасные озера с черепахами и летучими мышами – ушастиками. Растут ивы, кактусы, карликовые пальмы, а также кедры, буки, ясени, рожковые деревья, каменные дубы. Цветут молочай, ирис, фиалки, нарциссы, рододендроны и олеандры. Оливы, виноградники, миндаль, гранат, фисташки и знаменитые апельсины – короли – это уж само собой разумеется. В море ловят тунцов, огромные туши которых с ярко-красным мясом

перевозят на грузовиках – не даром тунца называют «морской короной». Около Siracusa в небольшом бассейне, образованном от слияния двух рек, сегодня плавают утки и растет папирус – растение весьма редкое для Европы. Когда-то эта экзотическая трава покрывала значительную часть Сицилии. Теперь ее выращивают только на специальных плантациях неподалеку от Сиракуз, здесь же существует специальный исследовательский центр, в котором обрабатывают папирус по древним технологиям. Но Сицилия заселена настолько давно, что представить ее пейзажи без следов пребывания человека практически невозможно.

Страницы истории: Рай для археологов

Герб Sicilia - тринакрия, трехколесная или трехкрылая колесница, в центре которой – окруженное змеями лицо Медузы. Это земля великих памятников великих цивилизаций.

Остров по своей истории можно разделить на две большие зоны. Восточную часть острова заселяли племена сикулов, затем под сильным греческим влиянием. Западную часть Sicilia вокруг столицы оккупировали сиканы, а затем зона влияния Карфагена и пуническо-арабского. Эти две зоны существенно различаются и экономически, социально и даже лингвистически. Существуют две версии о происхождении слова Sicilia. Согласно первой, остров первоначально именовался Сикания, исходя из второй - Сикелия. Окончательно так и не выяснили, какое из двух слов легло в основу современного географического термина.

Сицилийцы говорят с арабским акцентом, греческими интонациями и латинским произношением. И живут в городах, замках и гротах. Есть целые криптополисы – не только храмы, но и целые города в пещерах. Обитаема Сицилия с 35-5 тыс. до н. э. Население жило охотой и собирательством. Свидетельствами этого периода являются наскальные рисунки в пещерах Modica, Trapani, Monte Pellegrino и Levanzo. С самого начала европейской истории остров превратился в большую кухню коммунальной квартиры, куда наведываются все ее обитатели, а бывает, заходят и непрошенные гости. Так получилось, что остров 13 раз испытал на себе властную длань иноземного захватчика. В XIX-XVIII вв. до н. э. индоевропейские племена проникают на Sicilia и смешиваются с коренным населением. Начинается бронзовый век, к которому относятся находки в городах Castelluccio, Naro, Filicudi, Siracusa и Pantalica. К 1400 г. до н. э. относятся следы эгейско-критской культуры. На Sicilia появляются племена элимов, основателей Erice и Seghesta, и сикулов. Последние распространили на Sicilia использование в хозяйстве коней и меди, начали заниматься земледелием и ввели культ мертвых.

К XII-X вв. до н. э. относится начало железного века. Экспансия проходила с двух сторон примерно в одно и то же время. Следом за племенами первопроходцев на остров потянулись первые торговые караваны из Карфагена. К моменту появления греческих колонистов на острове уже существовало достаточное количество карфагенских укрепленных поселений. До середины VIII в. до н.э. обитателям материковой Греции остров представлялся концом света, местом, куда прячется заходящее Солнце.

Messina Основана в VIII в. до н. э. греками. Потом оккупирована Ганнибалом, в 264 г. до н. э. – Римом. (Цицерон писал о ней: «Город очень большой и исключительно богатый»). Потом его захватили готы и византийцы. В IX в. – арабы, город почти обезлюдел, поскольку арабов больше интересовала западная часть острова. В XI в. – норманны наконец превратили его в хорошо укрепленную крепость. Перед домским собором – колодец работы Микеланджело. Ц. Санта Мария Алеманна – единственный памятник сицилийской готики, построена в 13в. для тевтонцев, с 15в. заброшена. Потом анжуйцы и арагонцы – до XVIII в. Позже – Савойская династия, а с 1734 г. – Бурбоны вплоть до 1860 г.

Разные причины были у тех смельчаков, которые оставляли обжитые места и устремлялись за моря на поиски призрачного счастья. Среди них было немало беглых рабов или бедняков. Значительную часть эмигрантов составляли политические или общественные деятели, не получившие должного признания в самой Греции. А иногда выезжали целые поколения, как это было в случае со спартамцами. Жители греческой Спарты, известные своим воинственным нравом, редко пребывали в состоянии мира. Во время очередной затянувшейся войны, когда практически вся дееспособная мужская часть населения была занята в боевых действиях, в городе был принят закон, согласно которому женщинам дозволялось вступать в браки с людьми без спартанского гражданства. За 10 лет войны от подобных союзов родилось много детей, но когда это поколение подросло, коренные спартанцы отказались признавать их равными себе. Тогда обиженная молодежь бросила родину и

практически в полном составе отправилась на Sicilia. Власти греческих полисов всячески поддерживали процесс эмиграции. Желая начать новую жизнь в другой части Средиземноморья, в т. ч. и на Sicilia, выделялись корабли, необходимый запас питания, денежные средства и все необходимое для того, чтобы выжить в первое время. Как правило, отряд отъезжающих возглавлял опытный военный или политический деятель. Прежде чем покинуть отчизну, следовало обратиться к авторитетному прорицателю, который советовал, где следовало закладывать новый город. Первые греческие первопроходцы появились на Sicilia в 756 г. до н.э. в районе будущего города Messina. В 734 г. до н. э. переселенцы основали первый собственный город Наксос - первый камень античной цивилизации. Знаменитый историк Фукидид, посвятивший Sicilia немало своих трудов, отмечал, что это была первая греческая колония, основанная в 734 г. до н.э. и именно в Naxos находился главный алтарь на острове, посвященный Аполлону Аркегетесу (Аполлону-основателю) - покровителю греческих колоний на Sicilia. К сожалению, история первого эллинистического поселения оказалась достаточно краткой. Правители других развивающихся полисов не могли согласиться оставить Naxos пальму первенства. В 495 г. до н.э. жители города успешно отразили нападение Гиппократа из Gela, но в 476 г. до н.э. сиракузские войска захватили его и частично разрушили. С этого момента греческий первенец на Sicilia находится в непосредственной зависимости от тиранов Сиракуз, тогда же начинается поэтапная депортация его населения в менее развитые населенные пункты, например в Leontina. Понятно, какие чувства униженные жители Naxos питали к незванным диктаторам, им было все равно, под какие знамена встать, лишь бы эти штандарты несла армия, атакующая Siracusa. Как только в 425 г. до н.э. греческие Афины объявили войну ненавистному городу тиранов, Naxos присоединился к войскам с материковой Греции. Для коренных греков эта война закончилась поражением в 414 г. до н.э., а для многострадального Naxos полным разрушением. Сиракузский тиран Дионисий Великий не простил подобного коварства, так что к 403 г. до н.э. первая греческая колония на Sicilia просто-напросто перестала существовать. Оставшиеся в живых обитатели разоренного Naxos разбрелись по острову в поисках лучшей доли. Часть из них поселилась на крутом склоне горы Monte Tauro. Так в 358 г. до н.э. на карте Sicilia появился город Tauomenion, или Taormina, как мы его сегодня называем.

Первые упоминания о ней относятся к бронзовому веку. Taormina в равной степени была привлекательной как для карфагенян, так и для сиракузских греков. Вплоть до появления на Sicilia римлян между представителями этих народов постоянно случались столкновения за обладание городом. Во время I Пунической войны обитатели Taormina встали на сторону республиканского Рима, обеспечив тем самым своей родине достаточно продолжительное спокойствие и процветание. В конце I в. до н.э. император Октавиан Август, разгневанный на то, что Taormina оказала содействие Сексту Помпею, низвел город до положения колонии. Эпоха Византии стала для города благоприятным

периодом, новые покровители сделали Taormina столицей восточной Sicilia. Затем, в 902 г. н.э., на остров пришли арабы во главе с жестоким Ибрагимом, которые разрушили город до основания. К 962 г. неверные прибрали его к рукам окончательно и даже переименовали в Almoezia, в честь военачальника Ал-Муицца, покорившего Taormina. Следом за арабами на острове появились норманнские рыцари под предводительством Rogero d'Altavilla. Став норманнским городом, с 1079 г. Taormina заметно выросла и преобразилась. Далее ее судьба складывалась относительно спокойно. Гете воспел красоты этого города. Здесь бывали Теннесси Уильямс, кайзер Вильгельм, Уинстон Черчилль, Мария Калласс.

Заслуживают внимания акрополь на вершине горы Tauro, огромный амфитеатр (второй по площади на Сицилии), дворец герцога di San Stefano III в. до н. э., дворец Corvaio XV в., замок, знаменитый отель San Domenico в бывшем монастыре XVI в., Агора.

Далее греческие города стали появляться, как грибы после дождя: Catagna основана в 729 году до н.э. на ионическом побережье, у подножья самого высокого вулкана Европы — Этна. Античный, средневековый и, наконец, барочный город часто подвергался природным катаклизмам, многочисленным войнам и разрушительным землетрясениям. Но также часто и восстанавливался, поэтому до наших дней сохранились некоторые античные останки. Благодаря недавним раскопкам в Castello Ursino были найдены постройки, относящиеся к началу становления греческой колонии, т.е. к периоду VII—VII вв. В 476 г. до н.э. город был завоеван Героном, жестоким сиракузским тираном, который изгнал жителей Catagna из города, и переименовал его в Aitna. Когда после поражения тирана коренные жители города вернулись в свои дома, они вновь дали Catagna ее первоначальное имя. Однако этот период независимости был коротким: в 403 г. до н.э. другой сиракузский тиран подчинил себе Catagna, а ее жителей продал в рабство, заменив их своими наемниками. От этого периода здесь остались статуя Керы (Персифоны) с факелом. Катиния (латинское название города) была в подчинении у Сиракуз до начала III в., а с 263 г. до н.э. ею стал править Рим. Во время первой Пунической войны римляне вторглись в город и оставались в Catagna в течение 7 веков, во время которых экономика и культура города процветала. К тому же времени относится постройка системы водоснабжения, что говорит о высоком уровне жизни в Catagna во времена Римской Империи. После падения Рима, бывшей римской Колонией три столетия правила Византийская Империя. В 827 г. на Sicilia высадились арабы, а позднее, в 1071 году, их вытеснили норманны, которые вошли в Catagna,

ведомые графом Ruggero. В 1169 г. город был разрушен ужасным землетрясением. 30 лет спустя, когда все еще продолжалось восстановление, Catagna поддержала Altavilla в борьбе против Генриха VI, сына Фридриха Барбароссы — в ответ империя нанесла сильнейший удар, кульминацией которого стал пожар, уничтоживший часть города, и в том числе Кафедральный собор. Во время правления Фредерика II (1240 г.) Catagna наконец освободилась от феодальной зависимости. На экономическое и культурное развитие Catagna сильное влияние оказала Испания: Фредерик III Арагонский (1609–1670 гг.) — король Дании и Норвегии — был также королем Sicilia. 2-я половина XVII в. — трагический период в истории Catagna: в 1669 г. было сильное извержение вулкана Этна, и почти весь город был погребен под слоем лавы и пепла. К 1693 г., когда Catagna еще не оправилась от катастрофы, землетрясение уничтожило все, что еще оставалось и было восстановлено. Но жителей города эти жуткие извержения не сломили. Началось активное восстановление города. В качестве основных материалов использовались черная лава и светлый известняк. Город был одной громадной строительной площадкой. В эпоху объединения Италии (Risorgimento) Катания восставала против Бурбонов в 1837 г. и в 1848 г., и затем вошла в состав Объединенной Италии. Университет был основан в 1434 г. В 1494 г. были изгнаны или насильственно обращены в христианство члены еврейской общины.

Покровительница города – святая Агата, которой посвящен собор XI в., в котором находится гробница Винченцо Беллини и арагонских королей, а также реликвии св. Агаты (два реликвария с ногами, 2 с руками, 1 груди и 1 тела). Ее женихом был сам консул Квинциано, который и приговорил ее к смерти, узнав, что она христианка. Об Агате известно настолько мало, что ее можно было бы считать легендарной фигурой, если бы не то обстоятельство, что ее культ возник практически сразу после ее смерти, то есть ее почитали те, кто из первых рук знал о событиях.

Стоит взглянуть на развалины римского форума, Замок Урсино XIII в. с 5-конечной черно-белой звездой с восточной стороны над большим окном – знак каббалы, бенедиктинский монастырь св. Николая 1703 г., дворцы XVIII в., например, Biscari, palazzo San Pantaleone, цирк для соревнований на колесницах, театр, одеон, амфитеатр.

Символ Catagna – слон, в честь него на площади кафедрального собора возведен фонтан.

Cefalu' в античное время назывался Кефалондион. В гротах есть следы каменного века, а рядом – остатки мегалитических стен. Городская история начинается в V в. до н. э. В 254 г. до н. э. – Рим, потом византийцы, потом арабы. В 1063 г. – норманны. С основанием епархии в 1131 г. начался период расцвета. Со второй пол. XIII в. властителем города стал род Ventimiglia с резиденцией в укрепленном дворце Osterio Magno. В кафедральном соборе 12в. сохранились мозаики, а в музее есть портрет работы Антонелло да Мессина.

В Мацара дель Валло в море на глубине 500м нашли бронзовую статую танцующего сатира – 4в. до н.э., возможно, работы Праксителя. Сейчас хранится в ц. С. Эджио.

Греки пришли на Sicilia не завоевывать новые территории, а обретать другую родину для своих потомков. Не случайно только на острове они отказались от исторического названия "эллин" и стали называть себя "сикелиотес". К моменту появления греков на Sicilia уже давно обосновались карфагеняне, но они рассматривали остров лишь как сельскохозяйственную часть собственной страны и не занимались возведением укрепленных городов. Появление европейских конкурентов вынудило африканцев укрепляться более капитально. Так начиная с 700 г. до н.э. на западе Sicilia возникли города Solunto, Erci, Palermo и др. Противостояние греков и карфагенян, длившееся на острове не одно столетие, закончилось только после Пунических войн. На острове не так уж много населенных пунктов, насчитывающих от даты своего основания менее 10 веков. Многие представители греко-сицилийской знати были неперенными участниками знаменитых Олимпийских игр, в т. ч. первый тиран Сиракуз Джелон I.

Древние римляне появляются в 264 г. до н. э. Мамертины, италийское племя, занявшее Мессину, чувствуя угрозу со стороны Карфагена, обратилось за помощью к римлянам. Последние развязали I Пуническую войну против Карфагена. По окончании войны вся Sicilia, за исключением союзных Сиракуз, была объявлена римской провинцией (241 г. до н. э.). 219 - 212 г. г. до н. э. - II Пуническая война. Римляне завоевывают и подчиняют себе Сиракузы.

В 440 г. н. э. Генсерик, предводитель вандалов, высаживается в Лилибее (сегодняшней Marsala) и опустошает Sicilia.

Храм Segesta Vv. до н.э. – для культа элимов, который совершался на открытом воздухе - только колоннада античного храма по периметру из 36 колонн – без стен и крыши. О нем писал Мопассан. Театр является вторым и последним архитектурным памятником Segesta, дошедшим до нас. Расположенный на северном склоне Monte Barbado, театр предоставлял своим зрителям возможность

лицезреть не только театральные действия, но и находящийся в отдалении залив Castellamare. Зрители сидели на 20 рядах. Своим обликом театр обязан вторичному расцвету города в период римского господства в III-II вв. до н.э. Лирические струны зазвучали в рассказе Черткова при приближении к сегостскому храму, который он сравнивал с одинокой пальмой «среди Оазиса» или с пирамидой, окруженной «бесплодными песками Африканскими». «Если первое ощущение мое при взгляде на этот памятник, было ощущение красоты изящного, то почти в то же мгновение заменилось оно унынием и скорбью о судьбе города, тут некогда процветавшего. Куда девалось многочисленное его население? Кто разрушил другие величественные храмы, театры, здания, дома его граждан? Кто разметал прах, кто рассеял кости этих потомков Энея, этих Троян, изгнанных из их отечества неумолимым роком? Напрасно мы будем вопрошать Историю: она не даст нам удовлетворительного ответа ни на один из этих вопросов. Всё, что мы можем извлечь из писателей древних об этом городе, так кратко, так неполно, что даже не знаем, в какую эпоху последовало разрушение и кому приписать его. Имя этого Герострата история от нас скрыла, а время не сохранило даже гробниц, вмещавших прах жителей Сегесты, ни других зданий, кроме храма».

После ряда эпизодических набегов в последующие годы, в 468 г. начинается период господства варваров, которое продлится до 476 г. Вследствие падения Восточной Римской империи Sicilia была отдана Одоакру, который, в свою очередь, передает ее остготскому правителю Теодориху.

Византийцы появились здесь с 535 г. Византийско-готская война была спровоцирована Юстинианом, византийским императором, желавшим вернуть империю в прежние границы. На Sicilia отправляется полководец Велизарий, который быстро завоевывает остров и передает его в руки императора. Sicilia оставалась в сфере влияния Византии на протяжении почти 3 веков. Арабы в 827 г. высадились в Mazzara, положив начало завоеванию острова. Окончательное завоевание займет 100 лет и повлечет за собой глубокие изменения в социальной и культурной

жизни Sicilia. Столицей Sicilia в эту эпоху является Palermo. Selinunt - крупнейшее нагромождение руин в Европе. К сожалению, землетрясение почти полностью разрушило 8 храмов. Во времена владычества арабов на месте древнего Seluint существовало имение, называемое «Рахль-аль'Аснам», «обиталище идолов». В 1502 г. эта местность носит название «Terra di gli Pulichi», «Земля Поллукса».

В 1060 г. норманны, ведомые Робертом Гвискарсом и Rogero d'Altavilla, приступают к отвоеванию Сицилии у мусульман. Потомки Rogero d'Altavilla будут королями Sicilia до 1194 г. На мозаике Кафедрального собора Monreale видно, что норманнские короли получали корону не от Папы, а от самого Христа. (Дворик вообще фантастика – неужели такое может существовать?..).

После вступления на сицилийский престол Генриха VI Гогенштауфена трон перешел в руки германской династии швабов. Наследником Генриха VI стал его сын Фридрих II, один из величайших монархов средневековья. При его дворе в Palermo процветают искусства, науки и литература. Первая итальянская поэтическая школа увидела свет в стенах Норманнского дворца. Смерть Фридриха II вызвала острую борьбу за трон. Папа, уже задолго до этого находившийся в конфликте со швабской династией, в 1270 г. отдает корону Карлу Анжуйскому. С войском последнего вступили в столкновение прямые наследники Фридриха: сын Manfredi и племянник Corradino. Победив обоих претендентов, Карл Анжуйский занял трон и переместил столицу государства в Неаполь. В 1282 г. происходит

"Сицилийская вечерня". Начавшись в Palermo, это восстание привело к окончательному изгнанию французов с Sicilia. Престол перешел к Пьетро Арагонскому, зятю Manfredi.

Acireale основан, возможно, пиратами в XIV в., название получил в 1642 г. Филипп IV, превратив его в королевскую собственность. После землетрясения 1693 г. восстановлен – к этому же времени относятся его основные памятники.

После угасания сицилийской линии Арагонской династии в 1409 г. отношения между островом и испанской короной становятся более тесными. Брак Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской заложил основу для образования испанского государства, частью которого становится и Sicilia. Остров, принадлежавший испанской короне в течение приблизительно 300 лет, управлялся вице-королем.

По Утрехтскому мирному договору 1713 г. Sicilia переходит к Виктору Амедею II Савойскому. В 1718 г. испанцы начинают кампанию по отвоеванию острова, однако на их пути появляются австрийцы. По Гаагскому договору (1720 г.) Карл VI Австрийский становится новым королем Sicilia. После битвы при Bitonto 1734 г. Sicilia вновь возвращается под испанское господство. Карл I Бурбон, сын испанского короля, становится королем Sicilia в 1735 г. Бурбоны будут управлять островом в течение 125 лет. Вследствие похода Гарибальди Sicilia присоединяется к Итальянскому королевству. С этого момента судьба острова связана с судьбой нового государства.

И напоследок – диковина: Villa Palagonia 1721 г. в Bagheria – с фантастическими чудовищами, сидящими перед входом и на стене. Bagheria в 18в. стала любимым местом отдыха знатных палермитан.

Столичная жизнь: Palermo

Город основан финикийцами почти 3 тыс. лет назад. В IV в. до н. э. стал богатой карфагенской колонией, с 948 г. – столица независимого эмирата Сицилии. В этот период написана чудесная арабская поэма, в которой говорится о Сицилии: «Зрелые померанцы на нашем острове кажутся огнем, охватившем изумрудные ветви, И желтый лимон подобен возлюбленному, который в плаче провел ночь в разлуке с возлюбленной». С 1061 г. – норманны, с 1266 г. – Карл Анжуйский, с 1720 г. – Австрия. После бомбардировок 1943г. город с трудом восстанавливает свою целостность.

Фантастическое и на редкость гармоничное смешение всего в одном ошеломляет. Город – как губка, впитавшая в себя все лучшее, сделал своих захватчиков своими зодчими. Тот, кто не видел Palermo, не видел не только Италию, он не видел мир. Изысканное варварство, христианские мечети, рыбины величиной с корову. Нет, не изумившись этому, нельзя умирать...

Прекрасно описал Палермо П. Муратов: «Палермо мало чем напоминает Италию. Его улицы широки, дома низки и неархитектурны; длинные белые ограды ревниво замыкают внутренние дворы и сады, в которых сосредотачивается жизнь каждой мало-мальски зажиточной семьи... Площадь перед старым дворцом усажена огромными перечными деревьями, бросающими на рыжий песок фантастически-узорные тени своих нежных веток и перистых листьев...магнолии и олеандры цветут в самых скромных садах»

Среди местных знаменитостей отметим Боккаччо и Пиранделло, нобелевского лауреата в области литературы.

В середине 13в. при императорском дворе Фридриха Второго, а затем и его наследника Манфреди возникла первая итальянская школа поэзии, которую так и называют: «сицилийская школа».

1 января 1801 г. Профессор Палермского университета и директор Палермской обсерватории Giuseppe Piazzi открыл первую из малых планет — Цереру. Спустя полтора месяца Церера была потеряна, и

только через год, в связи с разработкой метода вычисления эллиптической орбиты планет, ее обнаружили снова. Она стала самой крупной из всех ныне известных 40 000 малых планет, ее диаметр составляет 770 км.

Блаженный Giuliano из Palermo тоже мечтал об отшельнической жизни и стал монахом – бенедиктинцем. Но Бог распорядился иначе. Властитель Туниса, принявший христианство, был так поражен уравновешенностью и благоразумием Giuliano, что упросил аббата послать его в Тунис для проповеди и, самое главное, примирения христиан и мусульман. С 1438 по 1452 гг. Giuliano курсировал между Palermo и Тунисом, исполняя не только пастырские, но и дипломатические поручения, в частности, помогал освобождать захваченных европейцев. Интересно, что начал он свою миссию с создания госпиталя, причем оснащенного по последнему слову техники.

В 1624 г. в Palermo разразилась эпидемия чумы. Молитвы о заступничестве всех известных к тому времени святых покровителей ни к чему не привели, поэтому жители отправились на поиски и в одном из гротов горы Pellegrino обнаружили нетленные мощи какой-то девушки. Их перевезли в кафедральный собор, и эпидемия тут же пошла на убыль. А несколькими неделями позже в другом гроте была найдена надпись на латыни «Это я, Rosalia Sinibaldi». Из архивов узнали, что это дочь короля Guglielmo I. Она хотела посвятить жизнь Богу, но не рискнула открыто сообщить об этом и сбежала в покрытые лесами горы, где и прожила несколько лет, умерла там же в районе 1160 г.

В Palermo – 100 абсолютно ясных дней.

Погуляем по Палермо.

В восточной части города между ул. Макведа и морем находятся старые арабские кварталы с узенькими улочками и тупиками. Здесь же была Калса – арабский политический и военный центр. Да и позже норманны и арагонцы выбрали это место для своего двора. Основной пункт – площадь Марина. На ней когда-то проходили рыцарские поединки, театральные представления и публичные казни. По случаю королевских бракосочетаний здесь строился деревянный театр, как, например, по поводу свадьбы Карла Второго и Марии Луизы Бурбонской в 1680г. Напротив дворца Кьярамонте 14в. растет

300-летний фикус магнолия, в котором живут души казненных еретиков. Международный музей марионеток – 3500 экспонатов – кроме знаменитых марионеток Сицилии здесь хранятся куклы французские, бельгийские, тайландские, бирманские, вьетнамские, из Океании и Африки.

Фонтан на площади Претории 1554-55 г. должен был стоять на одной тосканской вилле, но заказчик умер, а его сыну фонтан был не нужен; тогда его купил Палермо.

Ла Марторана или ц. Св. Марии Адмиральской 1143 г., называется так в память о Элоизе Марторана, основательнице монастыря поблизости. А Адмиральская она потому, что построена адмиралом короля Руджеро Второго, Джорджо Антиохийским. В ней интересны фрески, мозаики, резные хоры. Купол колокольни рухнул при землетрясении 1726г.

Цистерианский монастырь и ц. Magione 1150 г. принадлежали тевтонцам, сейчас приобрела барочные черты.

Ц. Санта Мария делло Спазимо была построена в 1506г. и посвящена Богородице, страдающей перед распятым Христом: Рафаэль написал для нее алтарный образ, который ныне хранится в музее Прадо в Мадриде. В 1536г. храм был включен в оборонительное кольцо города, затем был куплен Сенатом и использовался как театр, потом склад, потом хоспис и больница, все более приходя в упадок. В последние годы отреставрирован и превращен в культурный центр.

Западное Палермо занимает верхнюю часть города, где возникло древнее поселение, позже арабский замок Аль Квазар – сегодня Кассаро, на этом же месте – норманнский дворец, который строили арабы, потом реставрировали норманны, о чем напоминает зал Роджера. Палатинскую часовню 1132г. Мопассан сравнивал его с «прекрасной религиозной жемчужиной, о которой когда-либо мог мечтать человеческий разум». Она украшена византийскими мозаиками – 104 картины, 110 фигур и 131 медальон. Деревянный резной потолок в центральном нефе можно разглядывать часами. По правую руку от места для королевского трона – канделябр, целиком вырезанный из белого мрамора; это самое

древнее произведение искусства в романском стиле, хранящееся в Сицилии. В его основании – четыре льва, терзающих свои жертвы, выше – вязь растительного орнамента с человеческими фигурами.

Поблизости - Кафедральный собор в 1185 г. был построен на месте старой базилики, при арабах превращенной в мечеть: невероятен со своими кружевными стенами. Могилы Костанцы Арагонской (жены Фридриха II), Генриха IV (см. Эмилию), Фридриха II (см. Молизе).

Ц. S. Giovanni degli Eremiti перестроена в 1132г. на месте храма Григория Великого 581 г. Ее очарование – в ярко выраженной «арабскости» с красными полусферами куполов и квадратным основанием.

Площадь 4 Canti 1609 г. украшена 2 рядами скульптур: в верхнем – испанские короли Филиппы II, III и IV и император Карл V, в нижнем – покровительницы города святые Кристина, Олива, Агата и Нинфа (одна из них – с коробочками мака).

Teatro Massimo – один из самых больших театров оперы и балета в Европе, построен в стиле либерти.

Вне центра города стоит взглянуть на ц. св. Иоанна для лепрозория 1070-1150 гг., монастырь Baida 1388, монастырь и катакомбы капуцинов – мумии, расположенные стоя - и не только монахи (даже дети).

Виллу Джулия Гете назвал самым удивительным местом в мире.

Дворец Циза 1165-67гг. – прекрасный пример смеси мавританского и норманнского стилей.

Но моя любовь – я бы даже сказала страсть – это храм Монреале в пригороде Палермо.

Утром 1174 г. Вильгельм 2 Добрый, проснувшись с первыми лучами солнца, рассказал своим министрам, что во сне его посетила Непорочная Дева и повелела возвести для нее церковь с сокровищами, которые его отец Вильгельм Злой спрятал от казны в секретном месте, - и указала это место – в Монреале. На мозаике Кафедрального собора видно, что норманнские короли получали корону не от Папы, а от самого Христа.

Монреале удачно расположен в живописной нагорной местности. Поселение на возвышающейся над Палермо в семи километрах от города горе Монте-Капуто, было любимым местом охоты арабских эмиров и сменивших их норманнских королей.

Это местечко впервые приобрело значение после того, как в нём нашёл пристанище изгнанный в 831 г. арабами из Палермо сицилийский епископ. Король Вильгельм II, питая особую привязанность к Монреале, начал в 1170 г. строительство собора, призванного стать кафедральным храмом новообразованной архиепископии.

Местным покровителем почитается святой Кастренсий, празднование 11 февраля.

Построенный всего за пятнадцать лет, Монреальский собор представляет собой самую замысловатую смесь стилей, которую можно было сыскать в средневековой Европе: здесь причудливо перемешаны

норманнские, византийские, сарацинские и итальянские архитектурные особенности. При строительстве широко использовались колонны, выломанные из античных храмов. Находящиеся в соборе надгробия основателя собора и его отца, Вильгельма I, были повреждены при пожаре 1811 года и отреставрированы.

Всю внутренность собора покрывают мозаичные картины византийской работы, созданные в продолжение десяти лет сицилийцами, наспех прошедшими выучку в Константинополе (оттого им не достаёт, быть может, утончённости, свойственной мозаикам Палермо и Чефалу). Это самый большой по площади комплекс средневековых мозаик во всей Италии, если не в мире. Среди изображённых сюжетов — ключевые сцены Ветхого завета, жизнь и чудеса Христа, деяния Петра и Павла.

Помимо собора, внимание заслуживают современный ему бенедиктинский монастырь (от которого сохранилась великолепная крестовая галерея из 216 мраморных колонн) и находящееся в соседней деревушке аббатство св. Мартина, основанное папой Григорием Великим в VI веке и в последний раз перестраивавшееся в XVIII веке.

3 июля 2015 года внесен ЮНЕСКО в список объектов всемирного культурного наследия.

Благодаря значительным средствам, накопленным в королевской казне в результате сбора штрафов и «искупительных денег», наложенных Вильгельмом Злым на мятежные города после 1161 года, а также мирному царствованию самого Вильгельма Доброго, строительство собора и монастыря продвигалось быстро. В 1176 году во вновь основанный монастырь прибыли первые сто инок из салернской обители Ла-Кава, а в 1183 году здание собора было завершено. В течение шести лет (1183-1189) внутренние стены собора были покрыты 130 мозаиками общей площадью около 10 тысяч кв. м, образующими один из самых больших мозаичных циклов в мире.

К концу царствования Вильгельма II здание собора приобрело большей частью современный облик. Западный фасад (позднее закрытый портиком) и наружная часть апсиды были украшены декором в виде ложных арок из рыжей лавы. Южная башня фасада была полностью завершена и увенчана шпилем (впоследствии утрачен), северная — осталась недостроенной.

Одновременно со строительством нового собора и монастыря Вильгельм II предпринял меры по повышению ранга строящейся обители. Новый собор в Монреале превзошёл основанные Рожером II собор в Чефалу, Палатинскую капеллу и обитель Сан-Джованни-дельи-Эремити (две последние находятся в Палермо) и размерами, и богатством внутреннего убранства.

Папа Александр III, нуждавшийся в поддержке Сицилийского королевства в своей борьбе с Фридрихом Барбароссой и римскими горожанами, поддержал начинание Вильгельма II. В 1174 году только что основанный монастырь был папской буллой провозглашён «*praelatura nullius*», то есть выведен из-под власти местного епископа и подчинён непосредственно папскому престолу. В 1176 году первый настоятель обители аббат Теобальдо был возведён в сан епископа. 5 февраля 1183 году преемник Александра III Луций III возвёл Монреале в ранг архиепархии и подчинил ему епископов Катании и Сиракуз. Таким образом, ещё не завершённый собор Монреале стал в 1183 году кафедральным для значительной архиепархии. Монреале оставался крупным архидиоцезом вплоть до XIX века. Формальным основанием для столь значительного возвышения Монреале стал тот факт, что на месте Монреале в арабскую эпоху находилась маленькая церковь Айа-Кириака, в которой находилась кафедра греческого архиепископа Палермо.

После смерти Вильгельма II последовали годы неурядиц, связанных с бурным царствованием Танкреда, воцарением Генриха Гогенштауфена и беспорядками первых лет правления юного Фридриха II. Результатом стало прекращение финансирования строительства собора из королевской казны, и работы продолжались медленными темпами. Собор был освящён только в царствование Карла Анжуйского в 1267 году, спустя 93 года после начала работ, епископом Альбано Рудольфо в присутствии папы Климента IV. Теперь собор был освящён уже в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

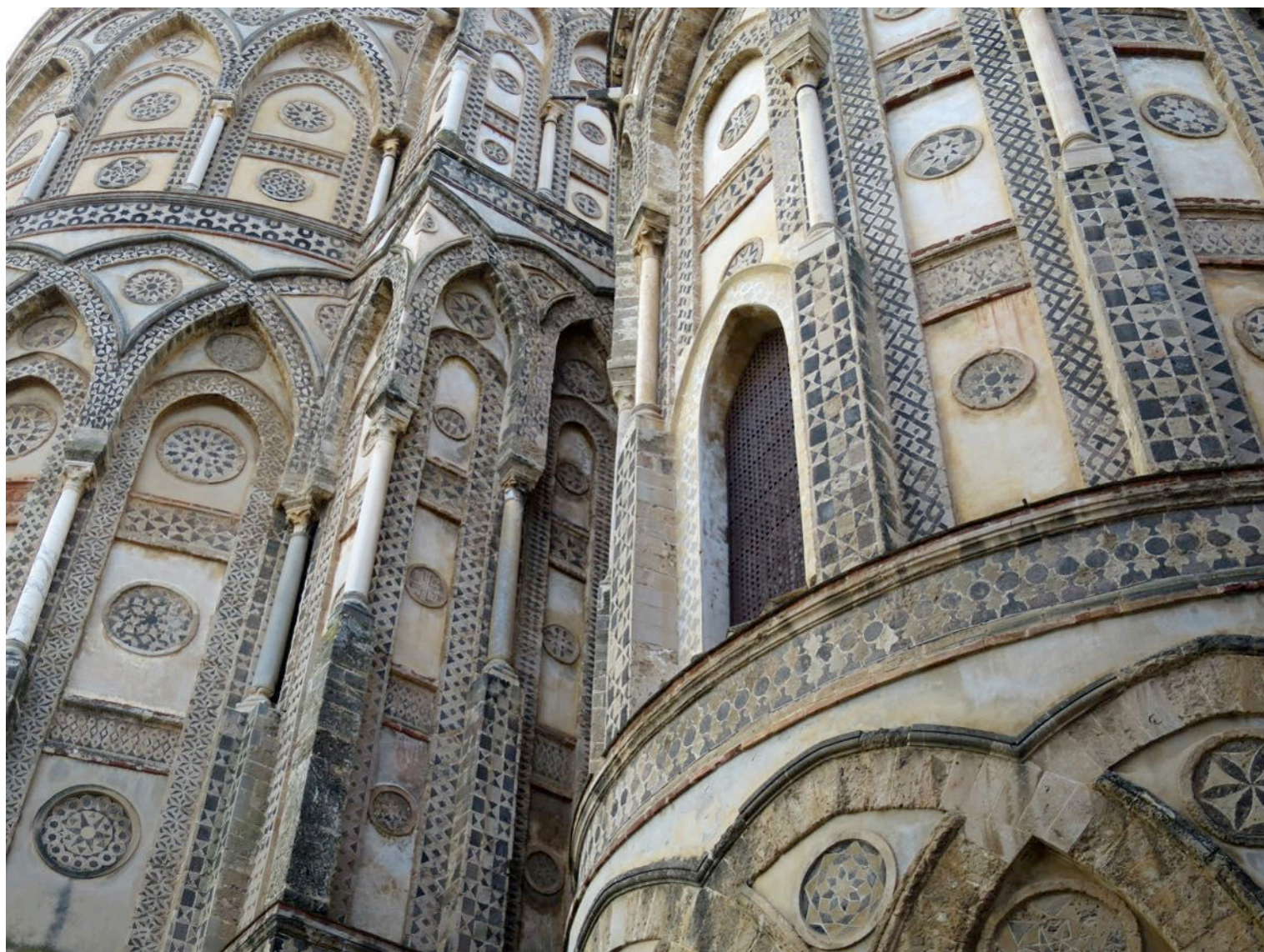

В XV веке к собору была пристроена ризница, в XVI был выложен пол из белого таорминского мрамора с порфировыми и гранитными вставками. В 1547 году к северной стене собора был пристроен боковой портик. В 1595 году архиепископ Монреале Лодовико II де Торрес устроил в южной ветви трансепта капеллу святого Кастренция (Santo Castrense), в алтаре которой находятся мощи этого святого. В 1690-1692 годах симметрично ей в северной ветви трансепта была устроена капелла Распятия.

В 1658 году при архиепископе Альфонсо Лос Камерос была снесена алтарная преграда, ранее отделявшая пресбитерий от главного нефа, а также остеклены оконные проёмы в боковых нефах (ранее они были закрыты перфорированными свинцовыми панелями). В результате открылась перспектива мозаик главной апсиды и улучшилось освещение собора, что позволило «открыть» для зрителей значительную часть мозаик, ранее тонувших в полумраке собора.

24 декабря 1770 года обрушился сооружённый в XII веке западный портик. На его месте по проекту Антонио Романо палермский скульптор Игнацио Марабитти построил новый изящный портик, нарушивший стилистическое решение западного фасада в норманнском духе.

В начале XIX века собор Монреале пережил две крупных катастрофы. В 1807 году в результате удара молнии была повреждена южная (правая) башня, потерявшая шпиль, который так и не был восстановлен. 11 ноября 1811 года по небрежности служки в здании вспыхнул разрушительный пожар: огнём были полностью уничтожен оригинальный потолок работы арабских мастеров, серьёзно повреждены мозаики и королевские надгробья. Реставрация заняла несколько десятилетий: арабский потолок воссоздан по сохранившимся рисункам, мозаики и саркофаги Вильгельма I и Вильгельма II восстановлены в прежнем виде.

Кафедральный собор Монреале входит в особую группу сицилийских памятников — она характеризуется неповторимым смешением различных культур: норманнской (североевропейской), местной (ведущей свою историю с античности), комниновского возрождения (Византия, чрезвычайно мощное артистическое воздействие) и исламского искусства.

Монреальский собор сочетает две главные тенденции южноитальянской архитектуры — суровая мощь и праздничное величие.

Наружные стены обращённой на восток апсиды украшены заимствованным из арабского искусства мотивом из переплетающихся ложных арок и инкрустаций из рыжей лавы и вулканического туфа. Переплетение накладных стрельчатых арок образует прихотливый орнаментальный узор, что создаёт ритмическую дробность форм. Этот типично арабский декор был усвоен норманнскими архитекторами и присутствует и в других крупных норманнских соборах Сицилии — в Палермо и Чефалу, но именно в Монреале этот декор достиг своего совершенства. Основными оттенками являются коричнево-жёлтый цвет лавы и серо-чёрный — туфа, кроме того, разнообразие вносят горизонтальные вставки красного кирпича и белой штукатурки. Узор из переплетающихся арок состоит из трёх горизонтальных рядов в главной апсиде и двух — в боковых апсидах. Ширина ложных арок во всех рядах одинакова, а высота арок увеличивается с каждым более высоким рядом. Благодаря этому приёму создаётся впечатление утончённости и воздушности конструкции апсид.

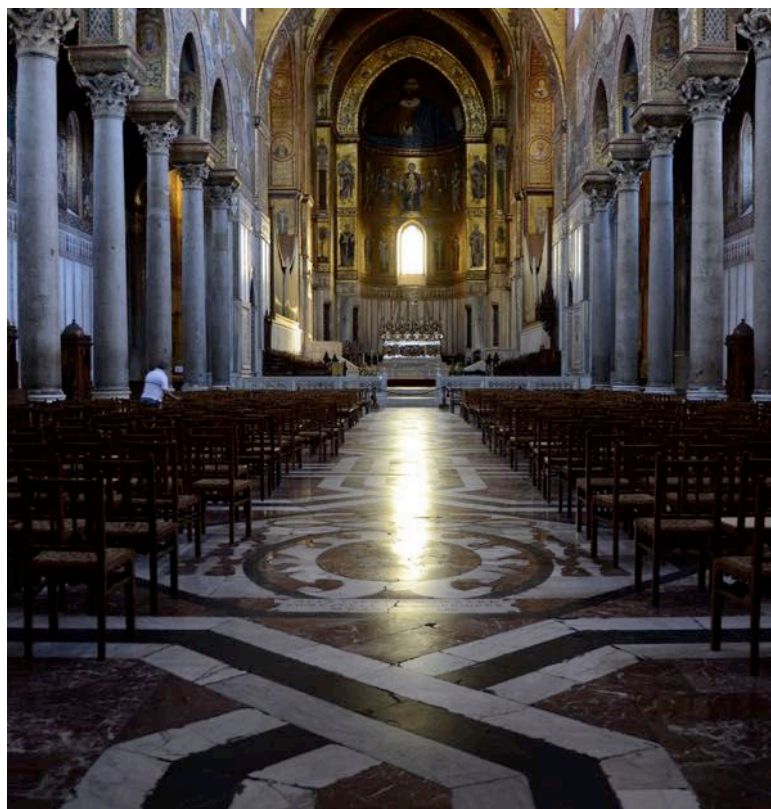
Этот же мотив повторён на главном — западном фасаде собора. Пристроенный западный портик частично скрыл этот декор, так что в настоящее время ложные арки из лавы присутствуют на западном фасаде только в верхней части.

Западный фасад собора ограничен в пространстве двумя мощными башнями, что напоминает внешний облик более раннего собора в Чефалу. Эти башни заимствованы из романской

архитектуры заальпийских стран, однако они превосходят свои прототипы грузностью, тяжеловесностью и суровым лаконизмом форм.

Левая (северо-западная) башня так и не была достроена, а в 1664 году на ней установили зубчатую колокольню. Правая (юго-западная) башня сохранилась со времени Вильгельма II Доброго за исключением венчавшего её шпиля, уничтоженного ударом молнии. В результате западный фасад собора оказался несимметричным. Три полукруглые арки портика покоятся на четырёх колоннах

с дорическими капителями. Новый портик нарушил, с одной стороны, типично норманнский облик собора, а, с другой стороны, придал целостность несимметричному фасаду. Северный фасад собора был существенно изменён в 1547 году, когда к нему был пристроен ренессансный портик. Портик образован из одиннадцати арок, покоящихся на двенадцати тонких колоннах. Капители коринфского ордера гармонируют с тонкими колоннами, придавая конструкции лёгкость и изящество. Над центральной аркой помещён герб семьи Фарнезе, из которой происходил кардинал Алессандро Фарнезе, во время архиепископства которого был устроен портик.

Южный фасад собора выходит на сохранившийся норманнский клуатр монастыря, являющийся сам по себе важным архитектурным памятником. Примечательны главные (западные) и боковые

(северные) бронзовые врата собора. Они являются первыми на Сицилии и одними из первых в Южной Италии вратами итальянского, а не византийского происхождения.

Северный портал изготовлен в 1186 году южноитальянским мастером Баризано из Трани, а барельефы ещё содержат типично византийские мотивы. Автор оставил своё имя на панели, изображающей святого Николая.

Западный портал был изготовлен Бонанино Пизано (то есть из Пизы) и доставлен на Сицилию морем. Он имеет 42 панно на темы Ветхого и Нового Заветов с надписями на вульгарной латыни, при этом панно гораздо более реалистичны и лишены византийских условностей. Сюжеты панно охватывают библейскую историю от сотворения Адама и Евы до Вознесения Христова. Врата увенчаны двумя панно с изображением Христа во славе (слева) и Богородицы в окружении Ангелов (справа). Нижние панно изображают пару львов (слева) и грифонов (справа). Здесь же автор оставил своё имя и год завершения работы. Западный портал Монреале высотой 7,8 метра и шириной 3,9 м является самым большим из сохранившихся в Западной Европе церковных врат XII века.

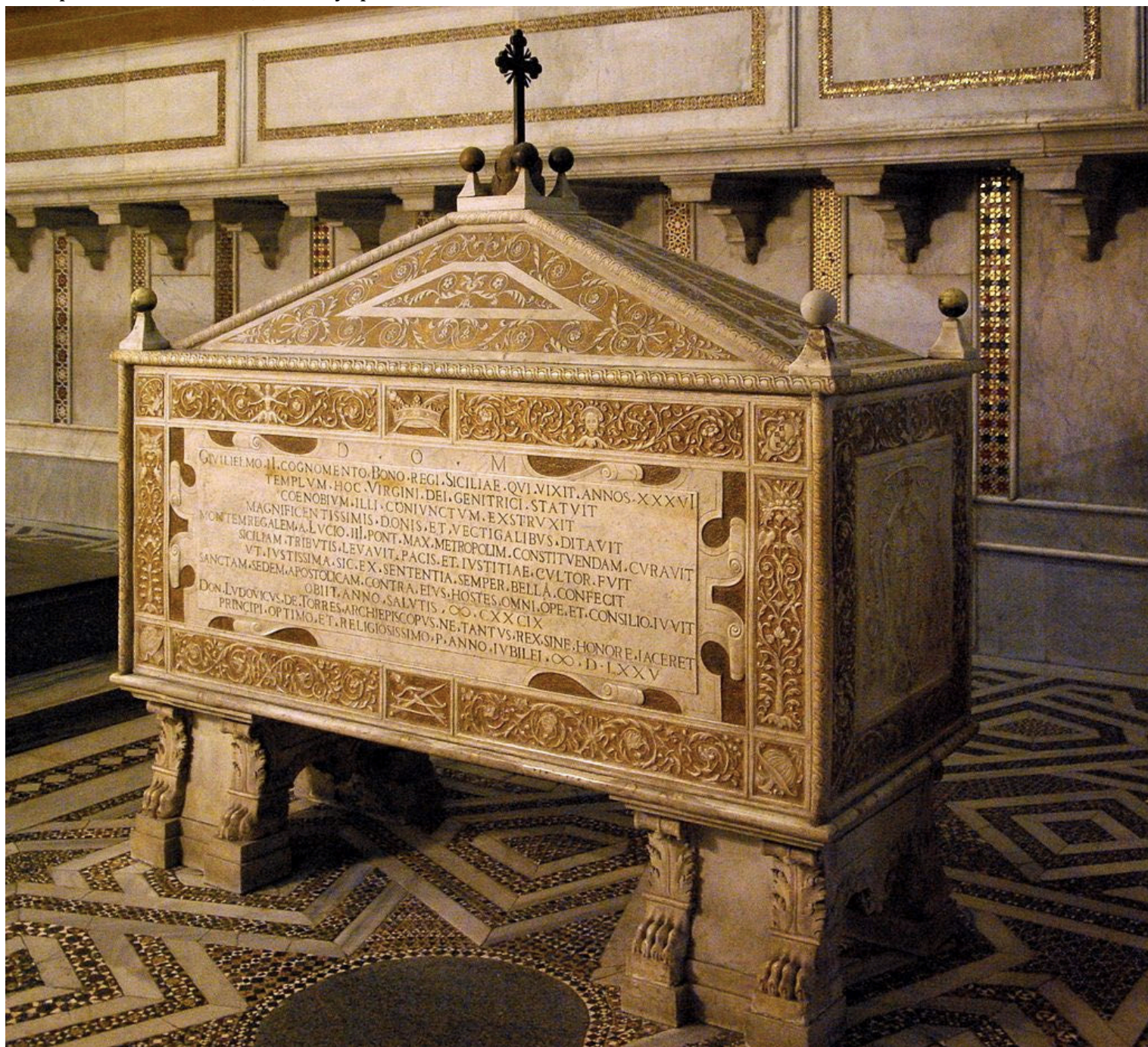
Собор представляет собой подобие трёхнефной итальянской базилики, но главный неф гораздо шире и выше боковых нефов. Главный неф завершается обширной апсидой с ценным алтарём французского ювелира Луи Валадье. Боковые приделы также заканчиваются апсидами, но уже меньшего размера.

Главный неф отделен от каждого из приделов девятью колоннами с резными капителями, на которых покоятся стрельчатые арки. Семнадцать из восемнадцати колонн собора выполнены из гранита, а одна (первая справа от главных западных врат)- из зелёного мрамора. Пространство над арками до кровли, а также западная стена собора с единственными вратами покрыты в три ряда мозаиками XII века.

Пол собора был выложен палермитанским мастером Бальдассаре Масса из белого таорминского мрамора с порфиоровыми и гранитными вставками.

Резные и богато украшенные деревянные перекрытия потолка были выполнены арабскими мастерами при Вильгельме Добром и напоминали потолки фатимидских мечетей Египта и Магриба. Оригинальный потолок был полностью уничтожен пожаром 11 ноября 1811 года и восстановлен по сохранившимся рисункам в первой половине XIX века.

Вильгельм II Добрый изначально предназначал собор Монреале в качестве королевской усыпальницы. Сразу после завершения первого этапа строительства в 1183 году в соборе была погребена мать Вильгельма II Маргарита Наваррская. Вслед за этим в Монреале были перенесены останки отца короля — Вильгельма I Злого (из Палатинской капеллы в Палермо) и братьев — Рожера Апулийского (из собора Палермо) и Генриха Капуанского (из церкви Марии Магдалины в Палермо). Смерть Вильгельма II Доброго, не оставившего наследников, и развернувшаяся борьба за престол чуть было не помешали исполнению желания самого Вильгельма II быть похороненным в Монреале. Могущественный архиепископ Палермо Уолтер Милль приказал поместить саркофаг короля в соборе Палермо. После долгой борьбы за королевский гроб между архиепископами Палермо и Монреале останки Вильгельма II всё-таки упокоились в соборе Монреале, но первоначальный саркофаг остался в Палермо и был впоследствии утрачен.

Тело Вильгельма I Злого покоится в южном приделе собора в роскошном порфировом саркофаге, сравнимом с королевскими гробницами Палермо. Саркофаг был также повреждён в 1811 году, но тщательно восстановлен. После пожара саркофаг вскрывали и обнаружили, что тело короля прекрасно сохранилось, а лицо его было покрыто густой чёрной бородой, некогда наводившей ужас на подданных.

Поскольку первоначальный саркофаг, предназначенный для Вильгельма II, остался в Палермо, останки монарха были помещены в новую мраморную гробницу в 1575 году архиепископом Лодовико I де Торрес.

В 1270 году в соборе был погребён французский король Людовик Святой, брат сицилийского короля Карла Анжуйского. Впоследствии мощи Людовика Святого были перенесены в Сен-Дени, но в Монреале была оставлена урна с сердцем и внутренностями святого. Они помещены в боковом алтаре, посвящённом Людовику Святому, в северном приделе собора.

Главной достопримечательностью собора Монреале являются 130 мозаик, покрывающих практически все внутренние стены собора на площади около 10 000 м². Большая часть мозаик выполнена в рекордно короткие сроки между 1183 и 1189 годами. Имена авторов мозаик неизвестны, а их национальное происхождение вызывает споры. Авторами мозаик могли быть как мастера, приглашённые из Константинополя, так и местные мастера, хоть и находившиеся под влиянием византийского искусства. В пользу «константинопольской» версии говорят типично греческие одеяния Христа, Божией Матери и архангелов и греческие подписи ряда мозаик в апсиде. В пользу «местной» версии свидетельствуют достаточно примитивное исполнение мозаик главного нефа и боковых приделов, в ряде случаев отступающее от традиционных канонов византийского искусства, и надписи на вульгарной латыни на большинстве мозаик.

Хронологически данные мозаики принадлежат к комнинскому периоду византийского искусства. Тем не менее, основные характерные особенности изобразительного языка этих мозаик таковы: распластанность, безобъёмность фигур, дробная сеть драпировок, линии мелкие и частые. В фигурах нет повышенной экспрессии, нет динамики, образ более мягкий и декоративный (по сравнению с предшествующими сицилийскими мозаичными циклами). Фигуры становятся грузными, тяжеловесными, утрачивается выразительность жестов, складки одежд становятся неподвижными. Лица становятся объёмными — исчезает повышенная одухотворённость византийских ликов. В

изображениях явственно чувствуется романское начало, проявившееся и в архитектуре собора: от немного грубоватых образов веет суровым спокойствием.

Мозаичный цикл в нефе носит след новых веяний, пробудившихся в искусстве XIII века: канонический дух начинает уступать место более свободной интерпретации библейских событий, в изображении уже в некоторой степени проявляются черты творческой личности художника. Впервые в южноитальянском искусстве трактовка текста Писания получает повествовательную окраску. Мозаики нефов Монреале стали одним из первых звеньев того процесса перестройки средневекового сознания, который начался в XIII веке во всей Италии и в итоге привёл к Проторенессансу и Ренессансу. Как отмечает Отто Демус, повествовательный цикл Монреале характерен для периода распада классической византийской схемы декорирования храма: именно этот памятник исследователь приводит как пример использования мозаичистами нового приёма — общий пейзаж используется как средство превращения расположенных рядом сцен в единый цикл.

Мозаичный ряд собора разделяется на пять больших циклов:

- мозаики апсиды, представляющие Христа Вседержителя в Его небесной славе,
- мозаики главного нефа (Книга Бытия),
- мозаики пресбитерия и (частично) трансепта — земная жизнь Христа или «праздничный» цикл,
- мозаики боковых нефов — чудеса Христовы,
- мозаики трансепта (частично) — жития Апостолов Петра и Павла.

Помимо сюжетных мозаик по стенам собора (в арках, под кровлей, в хорах) расположено большое число мозаичных икон святых — в полный рост или по пояс (в медальонах). Арки богато украшены мозаичными узорами, напоминающем о влиянии арабской культуры на мозаичистов Монреале.

Всю конху главной апсиды занимает огромное изображение Вседержителя. Пальцы правой руки Спасителя сложены для благословения, в левой руке Он держит Евангелие, открытое на стихе: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12), написанном на латинском и греческом языках. Образ Христа Пантократора широко распространён на православном Востоке и был перенят норманнской архитектурой (соборы в Чефалу, Мессине, Палатинская капелла). Отличие монреальского Пантократора от других подобных образов в том, что руки Спасителя широко распростёрты и как бы обнимают всех находящихся во храме. Авторы мозаики добились также оптического эффекта, благодаря которому очи Христа обращены на каждого из молящихся. Те части фигуры (руки и кисти рук, книга), которые из-за кривизны ниши кажутся сокращёнными, увеличены и удлинены для нейтрализации перспективных искажений.

Мозаичист, работавший над апсидой, расширил её пространство за счёт примыкающего пресбитерия с целью получить достаточное место для воплощения заказанной ему большой и сложной программы. А чтобы обозначить границы, на лицевой стороне триумфальной арки он изобразил мозаикой (как часть иконографии святых столпников) те скульптурные колонны, которые в реальности стоят в соборе Чефалу, послужившем ему образцом, воспроизведя даже их колористическую гамму.

Образ Христа Пантократора огромен: голова Спасителя вместе с бородой имеет высоту более 3 метров, правая рука простирается на 7 метров, а всё изображение имеет высоту 7 метров, а в ширину — 13,30 метров.

Окружают образ Пантократора расположенные в медальонах ближней полуокружности восемь ветхозаветных праведников и пророков

(Нафан, Данииел, Илия, Давид, Соломон, Самуил, Гедеон и Елисей) и ещё один образ Спасителя — Христос Эммануил. Дальний полукруг образуют Небесные Силы — архангелы Рафаил, Михаил, Гавриил и Уриил, шестикрылые Херувимы и Серафимы, вызывающие «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф», а также традиционное византийское изображение Престола уготованного.

Под образом Христа Пантократора расположены ещё два мозаичных ряда. Верхний ряд — это традиционный византийский Деисус: в центре на троне Богородица с Младенцем и справа от неё — Архангел Гавриил, Апостолы Павел, Андрей, Матфей, Марк, Фома, Симон Зилот; слева — Архангел Михаил, Апостолы Пётр, Иаков, Иоанн Богослов, Лука, Варфоломей, Филипп.

Нижний ряд (слева направо) — мученица Агата, отец восточного монашества преподобный Антоний Великий, священномученик Власий Севастийский, традиционно чтимый бенедиктинцами Мартин Турский, первомученик архидиакон Стефан, священномученик Пётр Александрийский, священномученик Климент Римский, святитель Сильвестр Римский, священномученик Фома Кентерберийский, великомученик архидиакон Лаврентий, один из патронов Сицилийского королевства Николай Мирликийский, западный Отец Церкви Иларий Пиктавийский, отец западного монашества Бенедикт Нурсийский, равноапостольная Мария Магдалина.

Две фигуры продолжают нижний ряд святых за пределами апсиды — это симметрично расположенные образы двух столпников — Симеона и Даниила.

Предваряющие алтарную часть обширные хоры ограничены двумя триумфальными арками, на одной из которых вновь изображены Архангелы Михаил и Гавриил, а на второй — сцена Благовещения. По обе стороны первой (ближайшей к апсиде) арки помещены изображения двенадцати ветхозаветных пророков и праведников, предсказавших воплощение Сына Божиего: Иаков, Захария, Малахия, Иона, Иезекииль, Моисей (с правой стороны арки), Исайя, Аввакум, Иеремия, Амос, Авдий и Иоиль (с левой стороны).

На хорах дважды встречается мозаичное изображение основателя собора Вильгельма Доброго: над королевским тронм мозаика изображает коронацию Вильгельма Христом (параллель с аналогичной сценой в Марторане, где Христос коронует Рожера II), а над архиепископским тронм — на мозаике Вильгельм преподносит Богородице построенный им собор. Содержит собор и память о супруге Вильгельма II — Иоанне, дочери Генриха II Английского, бывшего вольным или невольным виновником смерти Бекета. Именно с её влиянием связывается появление в числе известных и широко почитаемых святых, изображённых в апсиде, Фомы Кентерберийского, то есть Томаса Бекета, всего через двадцать лет после его мученической кончины. Это самое раннее из известных изображений Томаса Бекета за пределами Англии.

Всё пространство над стрельчатыми арками главного нефа (южная и северная стороны нефа) и его задняя — западная стена покрыты мозаиками, иллюстрирующими Книгу Бытия. Качество изображения и сама композиция мозаик главного нефа значительно отличается от мозаик апсиды. Мозаики главного нефа лишены художественной перспективы, человеческие фигуры непропорционально сложены, достаточно условны пейзажи и архитектурные детали. Но в то же время эти мозаики отличаются большей естественностью, приближённостью к реалиям повседневной

жизни, свободными позами и движением персонажей. Мозаики главного нефа последовательно отображают следующие эпизоды Бытия:

Верхний ряд южной стены — Дух Божий носится над водами, отделение света от тьмы, создание небесной тверди, отделение суши от моря и создание растений, сотворение светил, сотворение птиц, пресмыкающихся и рыб, сотворение зверей и Адама, покой седьмого дня, Бог вводит Адама в рай и даёт заповедь о древе познания, пребывание Адама в Раю;

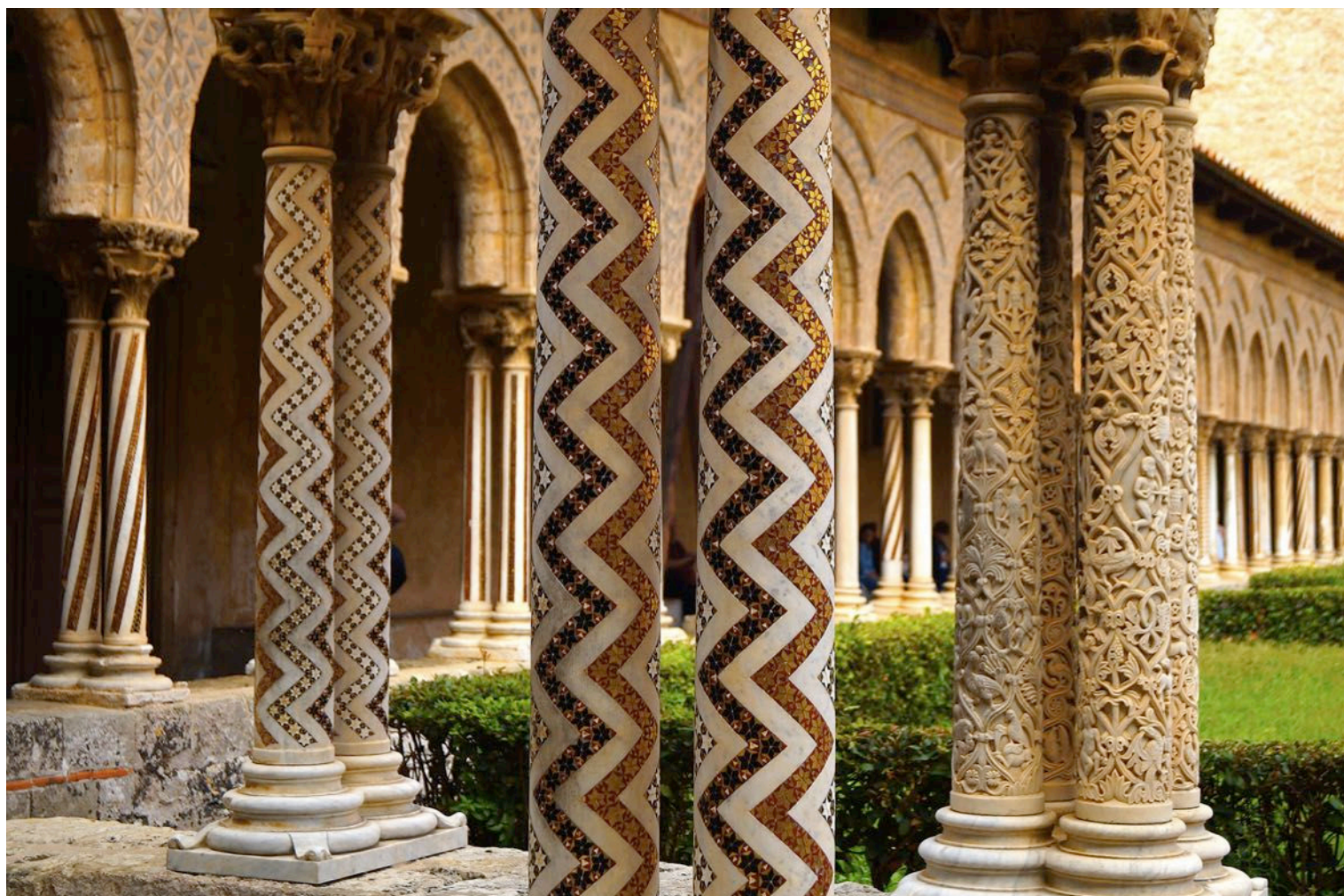
Верхний ряд западной стены — сотворение Евы из ребра Адама, пребывание прародителей в раю;

Верхний ряд северной стены: искушение Евы, грехопадение Адама и Евы, изобличение грехопадения, изгнание из рая, Адам обрабатывает землю, Ева прядёт, жертвоприношение Каина и Авеля, убийство Авеля Каином, обличение Каина, смерть Каина от руки Ламеха (апокрифический сюжет), Бог повелевает Ноею построить ковчег ;

Нижний ряд южной стены: строительство Ноева ковчега, введение в ковчег по паре каждого рода животных, Ной выпускает голубя из ковчега, выход Ноя и животных из ковчега на горе Арарат, завет Бога с Ноем и знак завета — радуга, опьянение Ноя и грех Хама, строительство Вавилонской башни, Бог в Трёх Лицах является Аврааму у Мамврийского дуба, Бог у Авраама и Сарры;

Средний ряд западной стены: два Ангела пребывают в доме Лота в Содоме и горожане требуют у Лота выдать гостей на поругание, Лот с дочерьми бежит в Сигор, жена Лота обратилась в столп, Содом поражён Богом;

Нижний ряд северной стены: Бог повелевает Аврааму принести в жертву сына, Авраам приносит в жертву Исаака, Ангел останавливает руку Авраама, слуга Авраама встречает Ревекку у колодца, Ревекка и раб Авраама едут навстречу Исааку, Исаак оправляет Исава на охоту и обещает благословить его, Ревекка подслушивает мужа, Иаков обманом получает благословение Исаака, предназначенное

Исаву, Иаков бежит из родного дома, Иаков во сне видит лестницу до неба и сооружает алтарь в Вефиле, Иаков борется с Ангелом и получает имя Израиль.

Мозаики пресбитерия и трансепта посвящены событиям земной жизни Христа, хотя не включают в себя большинства евангельских чудес (им посвящены мозаики в боковых нефках). Наилучшим образом мозаики этого цикла можно видеть, находясь в самом пресбитерии, куда доступ мирян по-прежнему закрыт. В связи с этим, мозаики этого цикла часто ускользают от внимания как посетителей, так и путеводителей. А между тем, многие из этих мозаик выделяются особым драматизмом и живостью изображения. В сцене искушения в пустыне из рук посрамлённого Сатаны высыпаются камни, превращения в хлебы которых тот добывался от Спасителя. В сцене изгнания торговцев из Храма Иисус показан опрокидывающим стол меновщиков, с которого ссыпаются монеты. На Тайной вечери Иисус полюбнмает припавшего к его груди Иоанна Богослова. В сцене предательства Иуды драматизм происходящего подчеркнут тесно поставленными фигурами воинов, к Иисусу, которого целует Иуда, уже протянуты руки стражей, а Апостол Пётр слева отсекает ножом ухо Малху.

В пресбитерии находятся следующие мозаики: явление Архангела Гавриила священнику Захарии во Храме, онемевший Захария, выйдя из Храма, общается с народом знаками, Благовещение, встреча Богородицы и праведной Елисаветы, приход в Иерусалим волхвов с Востока, волхвы приносят Младенцу Иисусу золото, ладан и смирну, разъярённый Ирод приказывает перебить младенцев в Вифлееме, избиение младенцев, Сретение Господне, Ангел приказывает Иосифу бежать с Марией и Младенцем в Египет, Путешествие Святого семейства в Египет, Двенадцатилетний Иисус вопрошает книжников во Храме, Чудо в Кане Галилейской, Крещение Господне.

Мозаики южной (правой) ветви трансепта изображают следующие события: Три искушения Христа в пустыне, Христос исцеляет расслабленного у купальни Вифезда, Христос отвергает очи слепорождённому, Христос беседует с самарянкой у колодца Иакова, Преображение Господне, Воскрешение четверодневногo Лазаря, Апостолы приводят ко Христу ослёнка для въезда в Иерусалим,

Вход в Иерусалим, Тайная Вечеря и установление Евхаристии, Моление о чаше в Гефсиманском саду, Предательство Иуды и арест Иисуса, Христос перед Пилатом.

Мозаики северной (левой) ветви трансепта изображают следующие события: Путь на Голгофу, Распятие Христово, Снятие с креста и погребение, Воскресение Христово, Ангел возвещает мироносицам о Воскресении, Воскресший Христос беседует с Марией Магдалиной, Христос говорит с двумя учениками на пути в Еммаус, Христос узан двумя учениками в Еммаусе при преломлении хлеба, Двое учеников по возвращении из Еммауса узнают от одиннадцати Апостолов о Воскресении Христовом, Уверование Апостола Фомы, Христос является Апостолам при Тивериадском море, Вознесение Христово, Пятидесятница — сошествие Святого Духа на Апостолов.

Стены боковых нефов покрыты мозаиками, изображающими многочисленные чудеса Христовы.

Мозаики южного (правого) нефа (при движении от трансепта к западным вратам) последовательно изображают следующие евангельские события: Изгнание беса из дочери хананеянки, Исцеление немом бесноватого, Очищение прокажённого, Исцеление сухорукого в субботу, Хождение по водам и спасение тонущего Петра, Воскрешение сына вдовы из Наина, Исцеление через прикосновение к одежде Христа женщины, двенадцать лет страдавшей кровотечением, Воскрешение дочери Иаира, Исцеление тётки Петра, Насыщение пяти тысяч человек пятью хлебами.

Мозаики северного (левого) нефа (при движении от западных врат к трансепту) последовательно изображают следующие евангельские события: Исцеление женщины, скорченной в течение 18 лет, Исцеление человека, страдавшего водянкой, Очищение десяти прокажённых, Исцеление двух слепых в Иерихоне, Изгнание торговцев из Храма, Прощение женщины, уличённой в прелюбодеянии,

Исцеление расслабленного, принесённого через разобранную кровлю, Исцеление глухого косноязычного, Прощение блудницы, умывшей ноги Иисусу (здесь она отождествлена с Марией Магдалиной), Исцеление расслабленного сына галилейского царедворца.

Престолы боковых приделов собора освящены в честь Апостолов Петра (южный придел) и Павла (северный). В связи с этим мозаики, находящиеся в боковых апсидах и частично покрывающие стены ветвей транспта посвящены соответственно житиям этих Апостолов.

Мозаичный образ Апостола Петра занимает конху южной (правой) апсиды. Пётр изображён сидящим на троне, правой рукой он благословляет молящихся, в левой руке держит Евангелие и традиционные в иконографии ключи Царствия Небесного.

Цикл мозаик южной ветви транспта, посвящённых жизни Петра, включает в себя следующие изображения: Ангел освобождает Петра из темницы, Освобождённый Пётр приходит в дом Иоанна Марка, Пётр вместе с Иоанном Богословом исцеляют хромого при дверях Храма, Пётр исцеляет расслабленного Енея, Пётр воскрешает Тавифу, Пётр и Павел встречаются в Риме, Пётр и Павел спорят с Симоном Волхвом в присутствии императора Нерона, Низвержение Симона Волхва, Распятие Петра. Симметрично образу Петра конху северной (левой) апсиды занимает изображение Апостола Павла. Подобно Петру Павел правой рукой благословляет молящихся, а в левой держит Евангелие, хотя и без привычного меча.

Цикл мозаик северной ветви транспта, посвящённых жизни Павла, включает в себя следующие изображения: Савл получает от иудейских первосвященников письма в Дамаск, Явление Христа Савлу на дороге в Дамаск, ослепшего Савла ведут в Дамаск, Беседа Анании и Савла, Крещение Савла, Савл

проповедует в Дамаске, Христиане спускают Савла в корзине с городской стены, Павел передаёт Силе и Тимофею постановления Апостольского собора, Мученическая кончина Павла.

К южной стороны собора примыкает возведённый по воле Вильгельма II Доброго клуатр (внутренний двор) некогда существовавшего бенедиктинского монастыря, являющийся наряду с самим собором ценнейшим памятником норманнской архитектуры. Композиция клуатра напоминает аналогичные внутренние дворы собора Чефалу и монастыря Сан-Джованни-дельи-Эремити (Палермо), но значительно превосходит их по масштабу замысла. Клуатр, представляет собой в плане правильный квадрат со стороной 47 метров, ограниченный колоннадой. Колоннада по виду является чисто арабской: 104 узких стрельчатых аркиподдерживаются 208 (104 пары) колоннами с резными капителями.

Все колонны клуатра разнятся между собой и по материалу, и по характеру капители. Сами колонны выполнены из лавы и различных ценных пород камня, некоторые покрыты резьбой, мозаикой, инкрустациями из мрамора. Резные изображения на капителях (резьба по дереву) также разнообразны: библейские сюжеты (в их числе: Благовещение, притча о богаче и Лазаре, Самсон убивает льва, Самсон в доме блудницы из Газы), сцены из повседневной жизни (сбор урожая, охота), рыцарские поединки, языческие сюжеты (в том числе поклонение Митре), традиционные для Средних веков фантастические чудовища, изображение самого Вильгельма II, подносящего собор Богородице.

Детальное изучение 208 капителей позволило профессору Роберто Сальвини (1962) определить, что работы по устройству клуатра были выполнены группой из пяти мастеров, предположительно из Прованса. Сальвини идентифицировал мастеров по их излюбленным темам.

— Мастер Миссии Апостолов (англ. Master of the Mission of the Apostles) — автор 34 капителей. Стиль этого мастера определяется примечательными лицами персонажей, чётко обрисованными одеждами и тщательно выполненными контурами фигур, придающими им объём и внутреннюю теплоту.

— Мастер Посвящения (англ. Master of the Dedication) — автор 30 капителей. Его произведения отличаются тонкостью работы резца и точностью выполнения деталей, так что фигуры кажутся сжатыми наподобие средневековых миниатюр.

— Мастер Путти (англ. Master of the Putti) — автор 70 капителей, отличающихся разнообразием растительных орнаментов.

— Мастер Орлов (англ. Master of the Eagles) — автор 40 капителей, примечательных орнитологическими мотивами.

— Мраморариус — автор оставшихся 34 капителей, в работах которого «усердие и терпение заменяют недостаточные мастерство и фантазию»^[4]. Этот мастер остался единственным, оставившим своё имя потомкам (на одной из колонн северного ряда им вырезано: «Ego romanus filius Constantinus Marmorarius»)

Поверх арок выложен из лавы и известняка волнистый фриз. Над фризом расположен прерывающийся на уровне капителей бордюр, предназначенный для установки балок, поддерживавших временные навесы на случай непогоды.

В юго-восточном углу клуатра находится колонное ограждение, кьострино, с фонтаном, типичным для мусульманской (Магриб и Испания) архитектуры. По местному преданию, вода была подведена сюда по повелению Вильгельма II Доброго.

Жители Монреале называют свой собор «La Matrice» (буквально, «Мать»), а образ Христа Пантократора «Padre Eterno di Monreale».

С архитектурной точки зрения, собор Монреале является наиболее совершенным и наименее искажённым последующими перестройками памятником арабо-норманнской архитектуры на юге

Италии. Влияние собора ощутимо во внешнем облике построек последнего периода норманнской эпохи (собор Палермо, церкви Маджione (Палермо) и Санти-Пьетро-э-Паоло-д'Агро). Мозаики собора представляют собой один из наилучших образцов византийского искусства XII века.

В разное время кафедру Монреале занимали представители семей Медичи, Фарнезе, Орсини, Колонна, Борджиа, Арагонского королевского дома. Все они, хоть часто и не живя в своей епархии, способствовали украшению своего собора. Кроме того, архиепископы Монреале, желая прославить свою епархию, покровительствовали научным исследованиям своего собора. В числе таких меценатов и исследователей заметное место занимают:

- архиепископ Арнольд де Реза (умер в 1324 году), собравший важнейшие исторические документы о строительстве собора в книге Codex Rexas, экземпляры которой находятся в Ватиканской библиотеке и Семинарской библиотеке Монреале,
- кардинал-архиепископ Лодовико II де Торрес (умер в 1609 году), выпустивший в 1596 году в Риме под псевдонимом Джан Луиджи Лелло книгу «Descrizione del Tempio e monastero di S. Maria Nuova», выдержавшую множество последующих изданий,
- Доменико Бенедетто Гравина (1807-1866), последний настоятель монастыря Монреале, руководивший работами по восстановлению собора после пожара 1811 года, опубликовавший в 1859 году двухтомную работу «Il Duomo di Monreale».

Дорога к храму: Святые и Папы

Множеству сицилийских святых я посвятила отдельную статью, которую можно прочесть на моем сайте. Сицилиец и Папа Агафон (678-681 гг. правления, который был включен в список пап-святых, и святой Папа ЛЕВ II (682-683 гг.), и Папа Стефан III (или IV) (767-772 гг.). После смерти Павла I римская аристократия, которая стремилась захватить власть, вызвала новую смуту в городе. Папский двор овладел ситуацией. Антипап ослепили, а затем заточили в монастырские тюрьмы. Духовенство избрало папой Стефана. Он сообщил о своем избрании королю франков Пипину. Однако последний к этому времени умер, и опеку над папством приняли его сыновья Карл и Карломан. По просьбе папы они послали в Рим 12 епископов, которые приняли участие в синоде, созванном в Латеране в 769 г. Это собрание иерархов приняло постановление, в соответствии с которым кандидатом на папский трон могло быть только духовное лицо, принадлежащее к группе кардиналов. Светские же люди были полностью исключены из числа выборщиков папы. Стефан III безоговорочно принял известие о разводе Карла, который бросил жену Дезидерату, чтобы жениться на Хильдегарде. Связаны с Сицилией и другие папы. Пий IV (1559-1565 гг.), Giovanni Angelo de Medici. Происходил из боковой, обедневшей ветви рода Medici. Родился 31 марта 1499 г. в Milano. Был сыном нотариуса. Посвятил себя медицине и юриспруденции. Учился в университетах в Pavia и Milano. Medici имел 4 внебрачных детей. Павел III назначил его архиепископом сицилийской Ragusa, а в 1549 г. – кардиналом. Medici считался человеком ясной и спокойной души, полным жизнерадостности. Будучи от природы доброжелательным, Пий IV тем не менее с необычайной суровостью отнесся к непотам своего предшественника: кардинала Alfonso он приговорил к изгнанию, другой – Giovanni – сложил голову на эшафоте, а кардинал Carlo, который на конклаве голосовал за Пия, был задушен в тюрьме в Замке св.

Ангела. В то же время Пий IV роздал потомству своих трех сестер кардинальские шапки, а собственным детям обеспечил выгодные бенефиции. Самым известным из кардиналов – неперотом оказался Carlo Borromeo. Вигилий (537-555 гг.) - римлянин. Во времена Бонифация на него смотрели как на возможного преемника папы. В силу изменения решения папы он не получил согласия римского духовенства на занятие трона св. Петра и направился ко двору константинопольского патриарха в качестве папского представителя. Там он пользовался поддержкой энергичной супруги императора Юстиниана – Феодоры. Когда византийцы вступили в Италию, императрица послала Вигилия в Рим, приказав своему полководцу посадить на папский трон своего протеже. Вигилий занял место живого Сильверия без формального согласия римского духовенства. Новый папа приказал перевезти Сильверия на остров Пальмария (недалеко от Специи на Лигурийском море) и уговорил его отказаться от тиары. Вскоре Сильверий умер. Тогда римское духовенство признало Вигилия законным папой. Первые годы своего понтификата Вигилий провел в Риме. В ноябре 545 г. по приказу императора Вигилий покинул Рим, чтобы направиться в Константинополь. Когда под прикрытием армии он садился на галеру, народ Рима осыпал его оскорблениями и камнями. Папское путешествие в Константинополь продолжалось более года. Папа Вигилий, не имевший достаточного богословского образования, к тому же нерешительный и трусливый, оказался в догматических вопросах несведущ и подписывал разные подsunутые ему декларации, а затем отзывал их. Почти 10 лет, проведенные Вигилием в Константинополе, были для этого папы бесконечной чередой нравственных страданий и попыток уйти от интриг двора и борьбы, которую вели епископы Малой Азии, Египта и Восточной Европы. В 533 г. император созвал в Константинополе собор (V Вселенский). Вигилий на собор не явился. Соборные отцы лишили Вигилия права на римское епископство. Вигилий пробовал протестовать, а затем (неслыханное дело!) подписал решения собора, который осудил его. Умер он в Сиракузах (Сицилия) на обратном пути в Рим.

На Сицилии 141 пещерная церковь. В период исламизации здесь прятались христианские монахи, а позже – мусульманские.

Есть на Сицилии и воспоминания о чудесах.

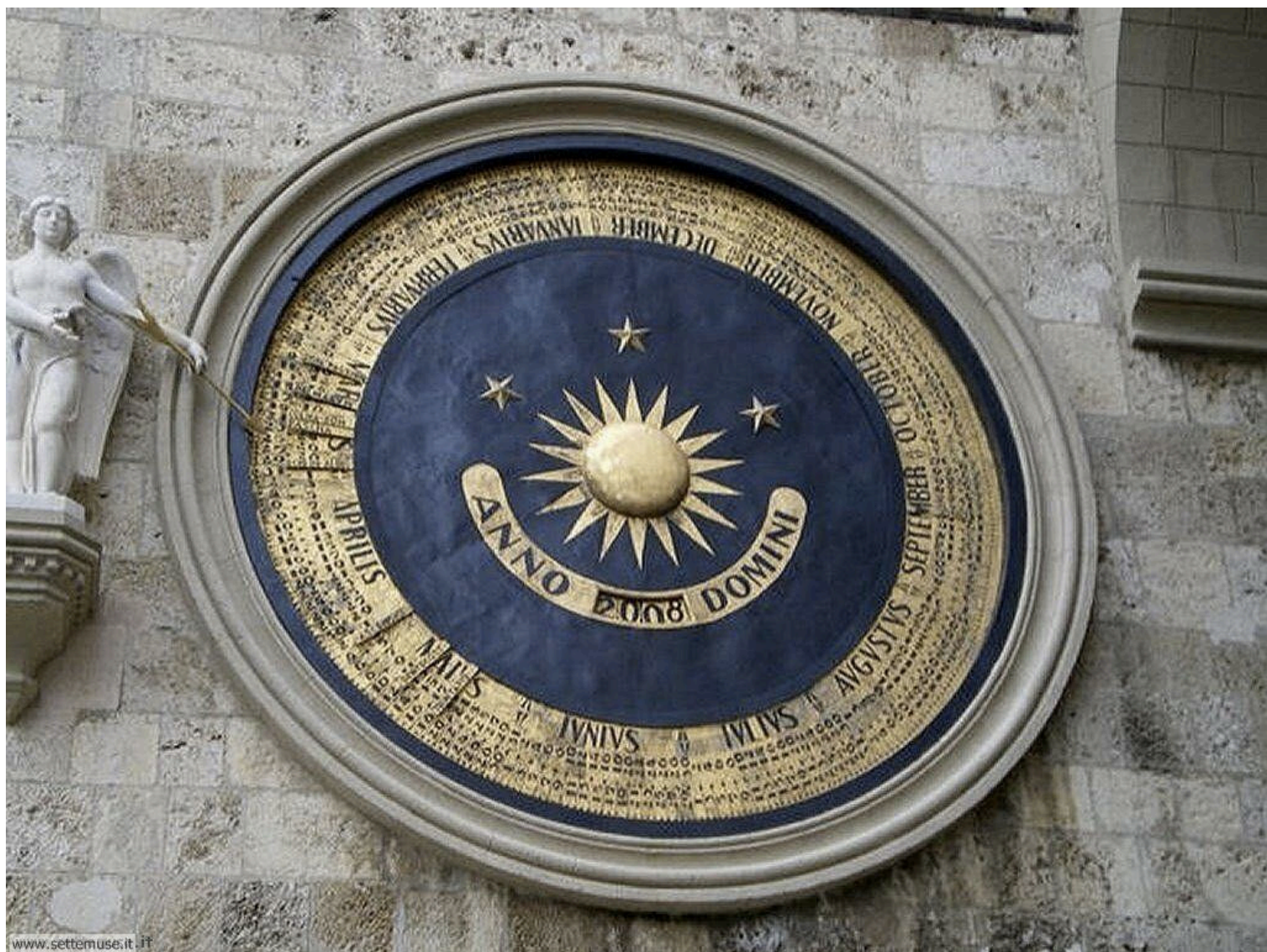
Албанцы несли с собой икону Богоматери. Устав от долгого пути, они решили остановиться на ночлег в этой местности Biancavilla. Икону повесили на фиговое дерево. А на рассвете, собираясь тронуться в путь, они увидели, ветви дерева оплели икону. Увидев в этом знак воли Божьей, албанцы основали здесь город, в главной церкви которого хранится чудотворная икона.

В Cefalu'есть остатки стен из необработанных каменных глыб у подножья скалы и кафедральный собор

Спасителя. По преданию, король дал обет воздвигнуть храм, если выйдет живым и невредимым из ужасной бури, настигшей его на пути в Palermo. Разъяренная стихия выбросила Роджера II на берег около Cefalu, где он и заложил первый камень будущего храма.

Есть и просто красивые храмы и монастыри.

Колокольня кафедрального собора Messina – 60 м. высотой с самыми большими в мире часами. Со стороны фасада собора – глобус, указывающий фазы Луны, циферблат системы планет (диаметр 5 м.) и циферблат календаря (диаметр 3,5 м.). С западной – скульптуры. Движутся ровно в полдень. Под часами – лев, символ города, ниже – два колокола в окне, между ними – петух, по бокам – Дина и Кларенца, героини народного восстания. Ниже на балконе с балдахином – ангел передает письмо

Мадонны четырех послам Мессины. Во главе с Петром они склоняются перед Девой Марией. Еще ниже в нише – четыре сцены из Евангелия – Рождество, Богоявление, Воскресение и Пятидесятница. Еще ниже – парящий голубь, который указывает правым крылом на изображение святилища Мональто. Еще ниже – аллегории детства, юности, зрелости и старости – меняются каждые 15 минут. В конце появляется смерть с косой. Еще ниже – колесница, запряженная оленем, - она указывает день недели. Собор Santa Maria delle Colonne в Siracusa поглотил в VII в. греческий храм Афины; колонны этого храма наложили явный отпечаток на название христианской церкви.

Циклопы и лигистроны

На острове обитали страшные мифические чудовища - циклопы и листригоны. Но античный летописец зафиксировал этот факт только в V в. до н.э., а историк Фукидид писал: "...никто не знает, откуда на Сицилии взялись циклопы и листригоны, а главное, куда они потом подевались". Все, что нам известно об этих страшных чудовищах, почерпнуто из книги Гомера о приключениях Одиссея. Он отправил своего героя на "землю свирепых циклопов", где жили чудовища, "не знающие законов", в логово Полифема. Полифем сварил и съел 6 спутников Одиссея. Напоив циклопа вином, царь Итаки выколол ему единственный глаз и выбрался из пещеры, прикинувшись овечкой. Разобравшись с циклопом Полифемом, греческий царь прибыл на остров Эола, т.е. на один из современных Эоловых или Липарских островов. Кстати, в VIII в. на II Никейском соборе архипелаг был назван местом обитания дьявола, а островные вулканы – свидетельством его присутствия на островах. Царь Эол с женой, с 6 сыновьями и с 6 дочерьми жил на острове, который "плавал по морю, окруженный нерушимой медной стеной". Бог ветров оказался весьма хлебосольным хозяином, так что экспедиция с Итаки задержалась в его дворце на целый месяц. Расставаясь с Одиссеем, Эол собрал все ветры в мешок и презентовал его неугомонному путешественнику, не преминув проинструктировать

последнего о правилах безопасности в обращении с воздушными стихиями. Одиссей выслал на один из сицилийских островов 93% своих спутников, причем туда, где жили лестригоны. Бедный царь Итаки! Прямо на его глазах злобные великаны разбили камнями все плавучие средства, а моряков нанизали на палки и понесли жарить. После встречи с коварными лестригонами путешественники добрались до острова Эеи, где гостили у прекрасной дочери самого бога Гелиоса. Позже корабль Одиссея опять направился в сторону острова Тринакрия, но добираться до него следовало через самую узкую часть Мессинского пролива, в районе современных городов Messina (Sicilia) и Reggio Calabria (Calabria). Опасность заключалась в том, что в скалах на обоих берегах прятались страшные монстры Сцилла и Харибда. Проскочить между ними было невозможно, но Одиссей уже знал, что если держаться ближе к калабрийскому берегу, то чудовище уничтожит только 6 гребцов, а приблизившись к сицилийской Харибде, он потеряет всех людей и погибнет сам. Все случилось, как предсказывала красавица Кирка: Сцилла своими 6 громадными пастями с 3 рядами зубов схватила 6 путешественников, зато остальным удалось спастись. Как ни уговаривал царь Итаки своих друзей обойти стороной неприветливый остров циклопов и лестригонов, как ни страдал гневом бога солнца Гелиоса, ничего не помогало. Измученные моряки требовали ночлега на твердой земле. Одиссей согласился, но взял слово с товарищей не трогать священных быков Гелиоса ни при каких условиях. Те согласились. Не успели странники причалить к негостеприимным берегам Сицилии, как на море разразился ужасный шторм. Несколько недель бушевала стихия. За это время последние члены экспедиции уже успели съесть все, что можно было добыть поблизости. Одиссей бдительно следил за тем, чтобы его голодные друзья не покушались на священных быков, но не уследил. Как и в случае с ветрами Эола, боги наслали на царя Итаки крепкий сон, а когда позволили ему пробудиться, то разделанные бычьи туши уже жарились на кострах. Что тут началось! Земля затряслась, молнии засверкали, шкуры забегали, а жареное мясо замычало. Одиссей с остатками команды, так и не отведав священного мяса, спешно погрузился на последний корабль и уплыл с проклятого острова. Но оскорбленный Гелиос уже успел пожаловаться Зевсу. Громовержец пообещал утопить наглых нарушителей порядка. В итоге главный герой гомеровской "Одиссеи" остался один и еле добрался до дому, зацепившись за мачту разбитого корабля. Эти невероятные события происходили за несколько столетий до появления на свет самого Гомера, но по его произведению можно судить о том, что греки были неплохо осведомлены о Тринакрии.

Термальный центр в Sciacca известен с римских времен. По легенде, первым посетителем был Дедал, открывший целебные свойства воды, бьющей из щелей горы Cronos, на вершине которой и расположен санктуарий.

В Siracusa есть очень интересный фонтан Аретуза. Этот фонтан и растущий в нем папирус являются символом города. Аретузой звали одну из нимф богини Артемиды. Однажды прекрасная девушка искупалась после охоты в водах реки Алфео. Естественно, бог реки Алфей тут же влюбился в охотницу Аретузу и, приняв человеческий облик, кинулся за ней в погоню. Чтобы спасти верную подругу от надругательства, Артемида превратила нимфу в подземную речку. Алфей обратился к богам с просьбой позволить ему соединиться с

возлюбленной.

Знакомые все лица: Архимед и все-все-все

История культуры и искусства Сицилии столь же длинна и ярка, как и сам этот остров чудес. В Сиракузах родился в семье астронома знаменитый математик и инженер Архимед (ок. 287-212 гг. до н. э.). Когда римский флот вплотную подошел к городу, он руководил многомесячной обороной Сиракуз. При этой военной операции были применены многие приспособления, построенные великим изобретателем. Архимед погиб во время очередного штурма, и только после его смерти римским легионерам удалось захватить город. В археологической зоне Неаполиса есть могила Архимеда - по крайней мере, на это место ссылался Цицерон, посетивший Сиракузы столетие спустя после гибели Архимеда, который сам себе сконструировал надгробие в виде сферы, размещенной внутри цилиндра, чтобы увековечить открытие, говорящее о том, что сфера занимает $\frac{2}{3}$ объема цилиндра. По легенде, один из законов он открыл в своей ванне, когда по заказу царя Гиерона решал, как определить, сделана ли корона царя из чистого золота или туда подмешано серебро.

Остатки сиракузского храма Цицерон относил к примечательнейшим и богатейшим в городе, и к величайшим в мире, также были поглощены городом. «Пиндар называет его храмом Дианы Алфейской».

Композитор Винченцо Беллини родился в 1801 г. в Catagna.

Тенниси Уильямс, кайзер Вильгельм, Черчилль, Гете, Вагнер - здесь побывали многие, но мне хочется поместить отдельной главой «Сицилию» Ги де Мопассана.

Известно, насколько плодородна эта страна, которую называли житницей Италии, и как бурно протекала ее история: все народы, один за другим, завоевывали Сицилию и владели ею — до того велико было их стремление обладать ею, заставлявшее стольких людей драться и умирать за нее, как за страстно желанную красавицу. Подобно Испании, это страна апельсинов, цветов, воздух которой весной — сплошной аромат; и каждый вечер она зажигает над морем чудовищный маяк — Этну,

величайший в Европе вулкан. Но прежде всего необходимо посетить эту единственную в мире страну потому, что она сплошь представляет собою оригинальный и полный чудес музей памятников архитектуры.

На долю Сицилии выпало счастье принадлежать поочередно плодовитым народам, приходившим то с севера, то с юга, усеявшим ее землю памятниками зодчества бесконечно разнообразными, где неожиданно и органически соединились самые противоположные влияния. Отсюда возникло особое искусство, неизвестное в других местах, в котором преобладает арабское влияние среди греческих и даже египетских реминисценций, в котором суровость готического стиля, ввезенного норманнами, смягчается дивным искусством византийских архитектурных украшений и орнамента.

Доставляет утонченное наслаждение отыскивать в этих восхитительных памятниках отличительные черты каждого искусства, подмечать то деталь, пришедшую из Египта, вроде занесенных арабами копьевидно заостренных сводов, выпуклых, или, вернее сказать, подвесных сводов, напоминающих сталактиты морских пещер, то чисто византийский орнамент или великолепные готические фризy, которые среди этих несколько приземистых церквей, построенных норманскими государями, внезапно пробуждают воспоминание о высоких соборах северных стран.

Когда повидаешь все эти памятники, которые хотя и принадлежат к различным эпохам и происходят из разных источников, но имеют один и тот же характер, одну и ту же природу, можно смело сказать, что они не готические, не арабские, не византийские, но сицилийские; можно утверждать, что существуют сицилийское искусство и сицилийский стиль, всегда легко распознаваемый и, несомненно, самый очаровательный, самый разнообразный, самый красочный и самый богатый фантазией из всех существующих архитектурных стилей.

Именно в Сицилии и можно найти наиболее прекрасные и законченные образцы античной греческой архитектуры среди пейзажей несравненной красоты.

Всего легче путь в Палермо из Неаполя. Когда вы сходите на берег, вас поражает оживление и веселость этого большого города с двумястами пятьюдесятью тысячами жителей, полного лавок и шума; в нем меньше сутолоки, чем в Неаполе, но не меньше жизни. Прежде всего вы останавливаетесь перед первой встретившейся вам тележкой. Эти тележки — небольшие квадратные ящики на высоких желтых колесах, украшенные наивной и оригинальной живописью, изображающей исторические события или события из частной жизни, всевозможные приключения, битвы, встречи монархов, особенно же сражения времен Наполеона I и крестовых походов. Какое-то странное резное приспособление из железа и дерева поддерживает колеей на оси; спицы также покрыты резьбой. У животного, которое их везет, один помпон на голове, а другой — посередине спины; сбруя нарядная и пестрая, причем каждый ее ремешок украшен красной шерстью и крошечными бубенчиками. Эти расписные тележки, разнообразные и забавные, разъезжают по улицам, привлекая взоры и внимание; это какие-то передвигающиеся загадки, которые все время пытаешься разгадать.

Расположение Палермо чрезвычайно своеобразно. Город, лежащий посередине широкого амфитеатра обнаженных гор голубовато-серого оттенка, тронутого кое-где красным, разделен на четыре части двумя большими прямыми улицами, которые перекрещиваются в центре. С этого перекрестка в конце огромных коридоров, образованных домами, видны в трех направлениях горы, а в конце четвертого — море, синее, ярко-синее пятно, которое кажется совсем близким, словно город свалился в воду!

В день моего приезда меня преследовало одно неотвязное желание: мне хотелось увидеть Дворцовую капеллу, о которой мне говорили как о чуде из чудес.

Дворцовая капелла — самая прекрасная в мире и самая удивительная религиозная драгоценность, порожденная человеческой мыслью и выполненная рукой художника, — заключена в тяжеловесном здании королевского дворца, старинной крепости, построенной норманнами.

У этой капеллы нет наружного фасада. Вы входите во дворец, где вас прежде всего поражает изящество внутреннего двора, окруженного колоннадой. Красивая лестница с прямоугольными поворотами неожиданно создает чрезвычайно эффектную перспективу. Против входной двери находится другая дверь, пробитая в стене дворца и выходящая на далекие поля; внезапно открывая перед вами узкий и глубокий горизонт, она как будто уносит вас в безграничные дали и к беспредельным грезам через это сводчатое отверстие, которое, завладев вашим взглядом, неудержимо увлекает его к синей вершине горы, виднеющейся там, далеко-далеко, над огромной равниной апельсиновых рощ.

Когдаходишь в капеллу, сразу же останавливаешься в изумлении, как перед каким-то чудом, силу

которого ощущаешь, еще не успев его понять. Спокойная и многоцветная, неотразимая и глубоко волнующая красота маленькой церковки — этого подлинного шедевра — покоряет вас с первого же взгляда; вы останавливаетесь, как зачарованный, перед ее стенами, покрытыми огромными мозаиками на золотом фоне: они излучают мягкое сияние, и весь храм как бы светится тусклым светом, увлекая мысль к библейским и божественным пейзажам, где оживают под огненными небесами все те, кто был причастен к жизни богочеловека.

Впечатление, производимое этими сицилийскими памятниками зодчества, особенно сильно потому, что, на первый взгляд, в них больше поражает декоративное искусство, чем искусство архитектуры.

Гармония линий и пропорций служит лишь рамкой для гармонии цветовых оттенков.

Входя в наши готические соборы, испытываешь впечатление суровое, почти печальное. Их величие внушительно, их грандиозность поражает, но не пленяет. Здесь же вы побеждены, тронуты той почти чувственной прелестью, которую приносят краски в красоту форм.

Люди, которые задумали и создали эти церкви, полные света и все же темные, имели, несомненно, совсем иное представление о религиозном чувстве, чем зодчие немецких или французских соборов: их своеобразный талант стремился главным образом к тому, чтобы впустить свет в эти изумительно украшенные нефы, но так, чтобы его не чувствовали, не видели, чтобы он проскользнул сюда незаметно, лишь слегка касаясь стен и создавая таинственную и очаровательную игру красок, чтобы казалось, будто свет исходит из самых стен, из огромных золотых небес, населенных апостолами.

Дворцовая капелла, построенная в 1132 году королем Рожером II в норманском готическом стиле, представляет собою небольшую базилику в три нефа. Она имеет всего тридцать три метра в длину и тринадцать метров в ширину; это игрушка, драгоценность.

Два ряда великолепных мраморных колонн, все разных цветов, уходят под купол, откуда на вас глядит колоссальный Христос, окруженный ангелами с распростертыми крыльями. Мозаика, украшающая заднюю стену левой боковой капеллы, представляет поразительную картину. Она изображает Иоанна Крестителя, проповедующего в пустыне. Это словно картина Пюви де Шаванна, но более красочная, более мощная, более наивная, менее надуманная, созданная вдохновенным художником во времена исступленной веры. Пророк обращается с речью к нескольким лицам. За ним — пустыня, а в глубине — синеющие горы, те горы, с мягкими очертаниями, окутанными дымкой, которые знакомы всем путешествовавшим по Востоку. Над святым, вокруг святого, позади святого — золотое небо, настоящее небо видений, где как будто присутствует бог.

Возвращаясь к входным дверям, вы останавливаетесь под кафедрой; это просто-напросто квадратная глыба бурого мрамора, окруженная беломраморным фризом с мелкими мозаичными инкрустациями и поддерживаемая четырьмя колоннами, покрытыми тонкой резьбой. Поражаешься, чего может достигнуть вкус, чистый вкус художника при помощи столь ничтожных средств.

Весь дивный эффект этих церквей построен вообще на сочетании и противопоставлении мрамора и мозаики. Это их характерная особенность. Нижняя часть стен, белая и украшенная лишь мелким орнаментом, тонкой каменной вышивкой, оттеняет своей нарочитой простотой красочную роскошь монументальной живописи, покрывающей верхнюю часть стен.

Но даже в этой мельчайшей вышивке, которая, как цветное кружево, окаймляет нижнюю часть стен, встречаются очаровательные мотивы величиной с ладонь; таковы, например, два павлина, несущие крест на скрещенных клювах.

Этот же стиль внутренней отделки можно видеть во многих палермских церквях. Мозаики Мартораны по выполнению, пожалуй, еще замечательнее, чем мозаики Дворцовой капеллы, но нигде в мире не встретишь той изумительной целостности, которая делает капеллу — это дивное произведение искусства — единственной и непревзойденной.

Я медленно, возвращаясь в гостиницу Пальм, у которой один из лучших садов в городе, настоящий сад теплых стран, полный огромных и причудливых растений. Один путешественник, сидя со мною рядом на скамейке, рассказал мне за несколько минут все события текущего года, потом перешел к событиям прошлых лет и между прочим заметил:

— Это случилось в то время, когда здесь жил Вагнер.

Я удивился:

— Как, здесь, в этой гостинице?

— Именно. Здесь он дописывал последние ноты Парсифаля и держал корректуру.

И я узнал, что знаменитый немецкий композитор провел в Палермо целую зиму, покинув этот, город лишь за несколько месяцев до смерти. Здесь, как и повсюду, он выказывал несносный характер,

невероятную гордыню и оставил о себе воспоминание как о самом неуживчивом человеке.

Я захотел осмотреть помещение, которое занимал гениальный музыкант, ибо мне казалось, что он должен был оставить в нем частичку своего «я» и что мне попадетсa какая-нибудь вещь, которая ему нравилась, любимое кресло, стол, за которым он работал, какой-нибудь след его пребывания, его пристрастий или привычек.

Сперва я ничего не увидел, кроме прекрасного номера гостиницы. Мне сообщили, какие изменения он в нем велел произвести, показали место, как раз посередине комнаты, где стоял диван, на который он нагромождал пестрые, шитые золотом ковры.

Но вот я открыл дверцу зеркального шкафа.

Восхитительный сильный запах пахнул оттуда, как ласка легкого ветерка, пронесшегося над полем розовых кустов.

Сопровождавший меня хозяин гостиницы сказал:

— Здесь он держал свое белье, надушенное розовой эссенцией. Теперь уж этот запах не улетучится никогда.

Я упивался этим дыханием цветов, запертым в шкафу, забытым, заточенным в нем, и мне казалось, что я нахожу в этом дуновении что-то от Вагнера, частицу его самого, частицу его желаний, частицу его души, запечатлевшуюся в этих пустяшных, тайных и любимых привычках, составляющих интимную жизнь человека.

Потом я пошел побродить по городу.

Нет людей, менее схожих между собой, чем сицилийцы и неаполитанцы. Неаполитанец из простонародья — всегда на три четверти паяц. Он жестикулирует, суетится, беспричинно воодушевляется, разговаривает жестами столько же, сколько и словами, и передает мимикой все, о чем говорит; он всегда любезен ради выгоды, ласков как из хитрости, так и по природе и отвечает шуточками на неприятные замечания.

В сицилийце же много арабского. От араба у него серьезная важность, хотя, как итальянец, он обладает очень живым умом. Природная надменность, любовь к титулам, самый характер гордости и черты лица скорее приближают его к испанцу, чем к итальянцу. Но что непрестанно вызывает в вас глубокое впечатление Востока, едва вы вступаете на почву Сицилии, — это тембр голоса, носовые интонации уличных разносчиков. Повсюду слышишь здесь пронзительную ноту арабских голосов, эту ноту, которая как бы спускается от лба к горлу, между тем как на севере она подымается из груди в рот. И песня, протяжная, однообразная и нежная, — вы слышите ее, проходя мимо открытых дверей дома — по ритму и звучанию та же, которую поет всадник в белом, сопровождающий путешественников по безграничным голым просторам пустыни.

Зато в театре сицилиец снова становится настоящим итальянцем, и для нас чрезвычайно любопытно побывать на каком-нибудь оперном представлении в Риме, в Неаполе или Палермо.

Все впечатления публики прорываются наружу сразу же, с полной непосредственностью. Нервная до крайности, одаренная тонким, восприимчивым слухом, до безумия любящая музыку, вся толпа превращается в единое трепещущее живое существо, которое чувствует, но не рассуждает. За какие-нибудь пять минут она восторженно аплодирует и остервенело шикает одному и тому же актеру; она топает ногами от радости или гнева, а если певец невзначай сфальшивит, то изо всех ртов одновременно вырывается странный, отчаянный, пронзительный вопль. Если мнения разделились, то шиканье и аплодисменты сливаются. Ничто не проходит незамеченным в этом зале, внимательном и взволнованном, который ежеминутно выражает свои чувства, а порою, когда его охватывает взрыв внезапного гнева, начинает реветь, как зверинец, полный взбесившихся диких зверей.

Улицы в Палермо не представляют собою ничего особенного. Они широки и красивы в богатых кварталах, а в бедных похожи на обычные узкие, извилистые и красочные улицы городов Востока.

Женщины, одетые в яркие, красные, синие или желтые, лохмотья, болтают у своих домов и, когда вы проходите мимо, разглядывают вас черными глазами, сверкающими из-под чащи темных волос.

Порою перед конторой казенной лотереи, работающей без перерыва, как некое богослужение, и приносящей государству крупные доходы, можно наблюдать комическую и типичную сценку.

Против конторы стоит в нише мадонна, прикрепленная к стене; у ее ног горит фонарик. Из конторы выходит человек с лотерейным билетом в руке; он опускает медный грош в церковную кружку, раскрывающую маленький черный зев под статуей мадонны, а затем совершает крестное знамение нумерованной бумажкой, которую только что вверил попечению святой девы, подкрепив это милостыней.

Вы останавливаетесь время от времени перед продавцами видов Сицилии, и ваш взгляд задерживается на странной фотографии, изображающей подземелье с множеством мертвецов, гримасничающих скелетов в причудливых нарядах. Под ней надпись: «Кладбище капуцинов».

Что это такое? Если вы обратитесь с этим вопросом к жителю Палермо, он с отвращением ответит вам:

— Не ходите смотреть на эту мерзость. Это ужасная, дикая вещь, которая, к счастью, должна скоро исчезнуть. Впрочем, там уже несколько лет никого не хоронят.

Трудно добиться более подробных и точных указаний — так сильно, по-видимому, отвращение большинства сицилийцев к этим необыкновенным катакомбам.

В конце концов мне все же удалось узнать следующее. Почва, на которой построен монастырь капуцинов, обладает особенным свойством настолько ускорять процесс разложения мертвецов, что через год на костях остается только немного прилипшей к ним высохшей черной кожи, порою с волосами на подбородке и щеках.

Гробы ставят в небольшие боковые склепы, где в каждом помещается от восьми до десяти покойников; по прошествии года гроб вскрывают и вынимают мумию, ужасную, бородатую, сведенную судорогой мумию, которая словно воет, словно корчится в ужасных муках. Затем скелет подвешивают в одной из главных галерей, где семейство умершего время от времени навещает его. Люди, желавшие, чтобы их законсервировали таким способом, высказывали перед смертью свою волю, и за известную плату, ежегодно вносимую родственниками, они навеки останутся выставленными в ряд под этими мрачными сводами наподобие предметов, хранимых в музеях. Если родные перестают платить, то покойника хоронят обычным способом.

Мне сразу же захотелось осмотреть эту мрачную коллекцию мертвецов.

У ворот небольшого скромного монастыря мне встречается старый капуцин в коричневой рясе и, не говоря ни слова, идет впереди меня, прекрасно зная, что хотят видеть приходящие сюда иностранцы.

Мы проходим через бедную часовню и медленно спускаемся по широкой каменной лестнице. И я вижу вдруг перед собой огромную галерею, широкую и высокую, стены которой уставлены множеством скелетов, одетых самым причудливым и нелепым образом. Одни висят в воздухе бок о бок, другие уложены на пяти каменных полках, идущих от пола до потолка. Ряд мертвецов стоит на земле сплошным строем; головы их страшны, рты словно вот-вот заговорят. Некоторые из этих голов покрыты отвратительной растительностью, которая еще более уродует челюсти и черепа; на иных сохранились все волосы, на других — клоч усов, на третьих — часть бороды.

Одни глядят пустыми глазами вверх, другие вниз; некоторые скелеты как бы смеются страшным смехом, иные словно корчатся от боли, и все они кажутся объатыми невыразимым, нечеловеческим ужасом.

И они одеты, эти мертвецы, эти бедные, безобразные и смешные мертвецы, одеты своими родными, которые вытащили их из гробов, чтобы поместить в это страшное собрание. Почти все они облачены в какие-то черные одежды; у некоторых накинута на голову капюшоны. Впрочем, есть и такие, которых захотели одеть более роскошно — и жалкий скелет с расшитой греческой феской на голове, в халате богатого рантье, лежит на спине, страшный и комичный, словно погруженный в жуткий сон.

Картонная дощечка, как у слепых, висит у них на шее; на ней написаны имя умершего и дата смерти. Эти числа вызывают содрогание. Вы читаете: 1880, 1881, 1882.

Так это, значит, человек или то, что было человеком восемь лет тому назад! Он жил, смеялся, разговаривал, ел, пил, был полон радости и надежд. И вот он теперь! Перед этим двойным рядом неописуемых существ нагромождены ящики и гробы, роскошные гробы черного дерева с медными украшениями, с небольшими застекленными четырехугольными отверстиями, чтобы можно было заглянуть внутрь. Они напоминают сундуки и ящики дикарей, купленные на каком-нибудь базаре отъезжающими «в дальний путь», как сказали бы прежде.

Направо и налево открываются другие галереи, продолжая до бесконечности это подземное кладбище.

Вот женщины, еще более уродливо комичные, чем мужчины, потому что их кокетливо принарядили. Пустые глазницы глядят на вас из-под кружевных, украшенных лентами чепцов, обрамляющих своей ослепительной белизной эти черные лица, жуткие, прогнившие, изъеденные тлением. Руки торчат из рукавов новых платьев, как корни срубленных деревьев, а чулки, облегающие кости ног, кажутся пустыми. Иногда на покойнике надеты одни лишь башмаки, огромные на его жалких, высохших ногах.

А вот и молодые девушки, безобразные создания в белых нарядах с металлическими венчиками

вокруг лба, символом невинности. Они кажутся старухами, глубокими старухами, так искажены их лица. А им шестнадцать, восемнадцать, двадцать лет. Какой ужас!

Но вот мы приходим в галерею, полную маленьких стеклянных гробиков: это дети. Едва окрепшие косточки не выдержали. И трудно разглядеть, что, собственно, лежит перед вами, настолько они изуродованы, расплющены и ужасны, эти жалкие детишки. Но слезы навертываются у вас на глаза, потому что матери одели их в маленькие платьица, которые они носили в последние дни своей жизни. И матери все еще приходят сюда поглядеть на них, на своих детей!

Часто около трупа висит фотография, которая показывает покойника, каким он был при жизни; нет ничего более потрясающего и жуткого, чем это сопоставление, чем этот контраст, чем те мысли, которые порождает это сравнение.

Мы проходим через галерею, более сумрачную, более низкую, предназначенную для бедных. В темном углу висит штук двадцать скелетов под слуховым окном, сквозь которое их обвеивает резкими порывами свежий воздух. Они закутаны в какой-то черный холст, завязанный у ног и шеи, и склоняются один к другому. Кажется, что они дрожат от холода, что они хотят бежать, что они кричат: «Помогите!» Можно подумать, что это матросы с тонущего корабля, исхлестанного разгулявшимся ветром; они одеты в коричневую просмоленную парусину, которую моряки надевают в бурю, и еще содрогаются от ужаса последнего мгновения, когда их поглотило море.

А вот квартал священников. Большая почетная галерея! На первый взгляд они кажутся еще страшнее других, эти скелеты в красных, черных и фиолетовых облачениях. Но когда вы ближе присматриваетесь к ним, на вас нападает неудержимый нервный смех при виде их странных и жутко комических поз. Одни поют, другие молятся. Им запрокинули головы и сложили руки. На макушке их оголенных черепов надеты шапочки, какие священники носят во время богослужения; у одних они лихо сдвинуты на ухо, у других спускаются до самого носа. Какой-то карнавал смерти, которому придает еще более комический характер позолоченная роскошь церковных облачений.

Мне показывают человека, умершего в 1882 году. За несколько месяцев перед смертью, веселый и здоровый, он приходил сюда в сопровождении приятеля, чтобы выбрать себе место.

— Вот где я буду, — говорил он и смеялся.

Друг его теперь приходит сюда один и целыми часами глядит на скелет, неподвижно стоящий на указанном месте.

По некоторым праздникам катакомбы капуцинов открыты для уличной толпы. Однажды какой-то пьяница заснул здесь и проснулся среди ночи. Он начал звать, взвыл, растерялся от охватившего его безумного ужаса, стал бросаться во все стороны, пытаясь убежать. Но никто его не услышал. Когда его нашли утром, он так сильно вцепился в решетку входных дверей, что потребовались огромные усилия, чтобы оторвать его.

Он сошел с ума.

С тех пор у дверей повесили большой колокол.

После посещения этих мрачных мест мне захотелось посмотреть на цветы, и я велел отвезти себя на виллу Таска, сады которой, находящиеся посреди апельсиновой рощи, полны дивных тропических растений.

На обратном пути в Палермо я увидел налево от себя городок, расположенный на склоне горы, а на вершине ее — развалины. Этот город — Монреале, а развалины Кастеллаччо, последнее убежище, в котором, как мне сказали, укрывались сицилийские разбойники.

Великий мастер поэзии Теодор де Банвиль написал трактат о французской просодии, трактат, который следовало бы выучить наизусть всем тем, кто пытается сочетать рифмы. Одна из глав этой прекрасной книги озаглавлена «О поэтических вольностях»; вы переворачиваете страницу и читаете:

«Их не существует».

Точно так же, прибыв в Сицилию, вы спрашиваете то с любопытством, то с беспокойством:

— А где же разбойники?

И все вам отвечают:

— Их больше не существует.

В самом деле, вот уже пять или шесть лет, как они перестали существовать. Благодаря тайному покровительству некоторых крупных помещиков, интересам которых они часто служили, но на которых накладывали дань, им удалось продержаться в сицилийских горах до прибытия генерала Палавичини, который до сих пор командует в Палермо. Этот генерал так энергично принялся их преследовать и уничтожать, что вскорости исчезли и последние из них.

Итак, на середине склона одной из гор, возвышающихся над Палермо, стоит маленький город Монреале, знаменитый своими старинными памятниками, и в окрестностях этого высоко взгромоздившегося городка подвизались последние разбойники острова. До сих пор сохранился обычай расставлять часовых вдоль всего пути, который туда ведет. Хотят ли этим успокоить или напугать путешественников? Не знаю.

При виде этих солдат, расставленных на некотором расстоянии друг от друга на всех поворотах дороги, невольно приходит на память легендарный часовой французского военного министерства. В течение десяти лет в коридоре, который вел в квартиру министра, ежедневно ставили часового, и он требовал от всех проходящих по коридору, чтобы они держались подальше от одной из стен; никто не знал, зачем это делалось. Вновь назначенный министр, отличавшийся умом пытливым и вступивший в должность после пятидесяти других, которые проходили мимо часового, не обращая на него внимания, заинтересовался причиной, такой бдительности.

Никто не мог дать ему объяснений: ни правитель канцелярии, ни столонячальники министерства, уже полвека прочно сидевшие в своих креслах. Но один курьер, человек памятный, а может быть, писавший мемуары, припомнил, что некогда там был поставлен часовой, потому что в коридоре перекрасили стену, а жена министра, не будучи предупреждена, запачкала краской платье. Краска высохла, а часового остался.

Так и здесь: разбойники исчезли, а часовые на дороге в Монреале остались. Дорога эта извивается по горе и наконец доходит до города, чрезвычайно оригинального, очень колоритного и страшно грязного. Улицы, идущие уступами, словно вымощены острыми зубьями. Мужчины повязывают здесь головы красными платками, как испанцы.

Вот собор, большое здание, свыше ста метров длиною, в форме латинского креста с тремя абсидами и тремя нефами, отделенными друг от друга восемнадцатью колоннами из восточного гранита, опирающимися на беломраморное основание и на квадратный цоколь из серого мрамора. Поистине изумительный портал обрамляет великолепные бронзовые двери, которые создал Bonannus, civis Pisanus.

Внутренность этого храма отделана мозаикой на золотом фоне; богаче, совершенней и поразительней этой отделки ничего нельзя себе представить.

Эта мозаика, крупнейшая в Сицилии, сплошь покрывает стены на поверхности в шесть тысяч четырехсот метров. Вообразите себе эту огромную и великолепную роспись, изображающую по стенам храма легендарную историю ветхого завета, миссии и апостолов. На золотом небе, развертывающем вокруг нефов фантастический горизонт, выступают в размерах больше человеческого роста пророки, возвещающие пришествие бога, Христос и те, кто окружал его.

В глубине алтаря гигантский лик Иисуса, напоминающий Франциска I, царит над храмом, словно наполняя и подавляя его, — так огромен и могуч этот странный образ.

Нельзя не пожалеть, что потолок, разрушенный пожаром, восстановлен так неискусно. Кричащий тон позолоты и слишком яркие краски режут глаза.

Рядом с собором вход в старинный монастырь бенедиктинцев.

Пусть те, кто любит монастырские дворы, пройдутся по двору этого монастыря, и они забудут почти все другие, какие они когда-либо видели.

Как можно не любить монастырские дворы, эти спокойные, прохладные, замкнутые места, как будто придуманные для того, чтобы будить мысль, которая изливается из уст, глубокая и ясная, в то время как вы идете медленным шагом под длинными, навещающими грусть аркадами?

Они словно созданы для того, чтобы порождать размышления, эти каменные аллеи, аллеи маленьких колонн, замыкающих небольшой садик, на котором глаз спокойно отдыхает, не отвлекаясь, не рассеиваясь.

Дворы наших северных монастырей отличаются порою слишком монашеской, слишком унылой суровостью, даже самые красивые из них, как, например, дворик монастыря Сен-Вандриль в Нормандии. Сердце в них сжимается, душа мрачнеет.

Загляните, например, в печальный двор картезианского монастыря Верны в диких горах мавров. Холод пронизывает вас там до мозга костей.

И, наоборот, чудесный монастырский двор в Монреале наполняет душу таким чувством красоты, что вы охотно остались бы в нем хоть навсегда. Он обширен, образует правильный квадрат, полон тонкого и пленительного изящества; тот, кто его не видел, не способен и представить себе, как может быть гармонична колоннада. Изысканная соразмерность, невероятная стройность этих легких колонн,

идуших попарно, одна возле другой, причем все они разные — то выложенные мозаикой, то совсем гладкие, то украшенные несравненной по тонкости работы скульптурой или простым узором, вырезанным в камне и обвивающимся вокруг них, как растение, — сначала поражают взгляд, потом чаруют, восхищают и порождают ту эстетическую радость, которую глаза передают душе при виде вещей абсолютного художественного вкуса.

Подобно прелестным четам колонн, капители тоже тончайшей работы и тоже отличны друг от друга. И, что редко бывает, восхищаешься одновременно великолепным эффектом целого и совершенством деталей.

Глядя на этот шедевр красоты и изящества, невольно вспоминаешь стихи Виктора Гюго о греческом художнике, который сумел запечатлеть

Красу, подобную улыбке человека,
На очертаньях Пропилей.

Дивная галерея заключена в высокие, очень старые стены со стрельчатыми аркадами; это все, что уцелело от монастыря.

Сицилия — родина, подлинная, единственная родина колоннад. Все внутренние дворы старинных дворцов и старинных домов в Палермо украшены прелестными колоннадами, которые были бы знамениты во всякой другой стране, кроме этого острова, столь богатого памятниками зодчества.

Маленький дворик при церкви Сан-Джованни дельи Эремити, одной из древнейших норманских церквей восточного стиля, хотя и не столь замечателен, как монастырский двор в Монреале, но, тем не менее, гораздо интереснее всего, что мне довелось видеть в этом роде.

Выходя из монастыря, вы попадаете в сад, откуда открывается вид на всю долину, покрытую цветущими апельсиновыми деревьями. Из этой душистой рощи непрерывно несется ветерок, дурманивший ум и волнующий чувства. Кажется, что смутное и поэтическое желание, которое неотвязно преследует душу, витает вокруг нее, неуловимое, сводящее с ума, готово здесь осуществиться. Этот аромат, внезапно окутывающий вас, примешивает к эстетическим радостям изысканное наслаждение, доставляемое благоуханием, и погружает на миг вашу душу и тело в блаженный покой, близкий к чувству счастья.

Я поднимаю глаза на высокую гору, возвышающуюся над городом, и вижу на ее вершине развалины, которые заметил еще накануне. Сопровождающий меня друг расспрашивает местных жителей, и нам отвечают, что этот старинный замок был в самом деле последним убежищем сицилийских разбойников. И поныне почти никто не поднимается в старинную крепость, называемую Кастеллаччо. Не знают даже пути к ней, потому что она стоит на малодоступной вершине горы. Мы решаем туда взобраться. Один палермский житель, гостеприимно показывающий нам свою страну, настаивает на том, чтобы мы взяли проводника, но, не найдя никого, кто хорошо знал бы дорогу, обращается, не предупредив нас, к начальнику полиции.

И вскоре агент, профессия которого была нам неизвестна, начинает вместе с нами взбираться на гору.

Однако он и сам идет неуверенно и по дороге берет себе в помощь товарища, нового проводника, который должен вести и нас и его. Затем оба они начинают расспрашивать встречаемых крестьян и крестьянок, погоняющих своих ослов. Наконец какой-то священник советует нам идти все прямо вперед. И мы карабкаемся вверх, а за нами — наши проводники.

Дорога становится почти непроходимой. Приходится взбираться на скалы, подтягиваясь на руках. Это длится долго. Пламенное солнце, солнце восточных стран, изливает на наши головы отвесные лучи.

Наконец мы добираемся до вершины среди поразительного и великолепного хаоса огромных камней, торчащих из земли, серых, голых, круглых и остроконечных, которые окружают одичалый и полуразрушенный замок причудливым полчищем скал, уходящим далеко за пределы его стен.

Вид, открывающийся с этой вершины, один из самых изумительных. По склонам ошетилившейся горы спускаются глубокие долины, заключенные между другими горами, уходящими в глубь Сицилии бесконечной вереницей вершин и пиков. Против нас море, у наших ног Палермо. Город окружен апельсиновой рощей, которая носит название Золотой Раковины, и эта черно-зеленая роща тянется траурной каймой у подножия серых гор, рыжих гор, словно обожженных, разъеденных и позолоченных солнцем, до того они обнажены и колоритны.

Один из наших проводников исчез. Другой идет за нами к развалинам. Они красивы в своей дикости и очень обширны. При входе чувствуется, что никто их не посещает. Повсюду под ногами гудит

изрытая почва; местами видны входы в подземелья. Сопровождающий нас человек рассматривает их с любопытством и говорит, что несколько лет тому назад здесь жило много разбойников. Это было их лучшее и самое грозное убежище. Едва мы начинаем спускаться, появляется первый проводник, но мы отказываемся от его услуг и без труда открываем весьма удобную тропинку, по которой могла бы пройти и женщина.

Можно подумать, что сицилийцы умышленно преувеличивают и множат рассказы о разбойниках, чтобы отпугнуть иностранцев; даже до сегодняшнего дня многие опасаются ступить на этот остров, столь же безопасный, как Швейцария.

Вот одно из последних приключений, которое приписывают преступникам-бродягам. За правдивость этой истории я могу поручиться.

Один выдающийся палермский энтомолог, г-н Рагуза, открыл нового жука, которого долго смешивали с *Polyphilla Olivieri*. И вот некий немецкий ученый, г-н Краац, убедившись, что этот жук принадлежит к совершенно особому виду, и желая заполучить несколько его экземпляров, написал в Сицилию одному из своих друзей, г-ну ди Стефани, который, в свою очередь, адресовался к г-ну Джузеппе Миралья с просьбой поймать несколько таких насекомых. Но жуки исчезли по всему побережью. Как раз в это время г-н Ломбардо Марторана из Трапани сообщил г-ну ди Стефани, что только что поймал более пятидесяти полифилл.

Г-н ди Стефани поспешил предупредить об этом г-на Миралья следующим письмом:

«Дорогой Джузеппе!

Polyphilla Olivieri, узнав о твоих смертоубийственных намерениях, избрал иной путь и скрылся на побережье Трапани, где мой приятель Ломбардо захватил уже более пятидесяти».

Тут приключение начинает принимать характер трагикомедии и эпического неправдоподобия.

В это время, по слухам, в окрестностях Трапани бродил разбойник по имени Ломбардо.

Г-н Миралья бросил письмо своего друга в корзинку. Лакей опорожнил корзинку на улицу, а мусорщик, проходивший мимо, подобрал ее содержимое и выбросил в поле. Какой-то крестьянин, увидав в поле красивую голубую бумажку, почти не смятую, поднял ее и положил в карман из предосторожности или из инстинктивного стремления к стяжательству.

Прошло несколько месяцев, потом этого человека как-то вызвали в полицейское управление, где он выронил письмо. Жандарм схватил письмо и представил судье, которому бросились в глаза слова смертоубийственные намерения, избрал иной путь, скрылся, захватил, Ломбардо. Крестьянина посадили в тюрьму, допросили и заперли в одиночную камеру. Он ни в чем не сознался. Его держали под замком и повели строжайшее следствие. Судебные власти опубликовали подозрительное письмо, но так как они по ошибке прочитали «Петронилла Оливьери» вместо «Полифилла», то энтомологи не обратили на него внимания.

Наконец удалось разобрать подпись г-на ди Стефани, и его вызвали в суд. Его объяснения были признаны неудовлетворительными. Вызванный, в свою очередь, г-н Миралья в конце концов разъяснил это таинственное дело.

Крестьянин просидел в тюрьме три месяца.

Итак, последний сицилийский разбойник оказался особого вида жуком, известным в науке под именем *Polyphilla Ragusa*.

Теперь путешествовать по страшной Сицилии в экипаже, верхом или даже пешком можно вполне безопасно. Впрочем, самые интересные экскурсии можно совершить почти целиком в экипаже. Главная из них — это экскурсия к храму Сегесты.

Столько поэтов воспело Грецию, что каждый из нас носит ее образ в своем воображении, каждый думает, что немного знает ее, каждый представляет ее себе такую, какой желал бы увидеть.

Для меня эту мечту воплотила Сицилия; она показала мне Грецию, и когда я думаю об этой стране искусства, мне кажется, что я вижу перед собою высокие горы с мягкими классическими очертаниями и на их вершинах храмы, строгие храмы, может быть, немного грузные, но удивительно величественные, какие встречаешь на этом острове повсюду.

Все видели Пестум и восхищались тремя великолепными развалинами, лежащими среди этой голой равнины, которая вдаль переходит в море, а с другой стороны замыкается широким полукругом голубоватых гор. Но если храм Нептуна лучше сохранился и, как говорят, выдержан в более чистом стиле, чем храмы Сицилии, то последние расположены среди таких дивных, таких неожиданных пейзажей, что трудно даже вообразить себе то впечатление, которое они производят.

Покинув Палермо, прежде всего проезжаешь через апельсиновую рощу, прозванную Золотою

Раковиной; далее железная дорога идет вдоль берега моря — берега сплошь из бурых гор и красных скал. Наконец путь уклоняется в глубь острова, и вы выходите на станции Алькамо-Калатафими.

Далее вы едете по чрезвычайно волнистой местности, похожей на море с чудовищными неподвижными волнами. Лесов нет, очень мало деревьев, только виноградники и хлебные поля; дорога идет в гору между двумя прерывающимися рядами цветущих алоэ. Можно подумать, что они уговорились между собою вознести в небо в один и тот же год и почти в один и тот же день свои огромные странные стебли, неоднократно воспетые поэтами. Бесконечной вереницей тянутся эти воинственные растения, толстые, колючие, в броне и с оружием, словно подняв свои боевые стяги.

После двухчасового примерно пути вы вдруг видите две высокие горы, соединенные отлогим склоном, закругленным в виде полумесяца от одной вершины к другой, а посередине этого полумесяца — профиль греческого храма, одного из тех величественных и прекрасных памятников, которые этот божественный народ воздвигал своим человекоподобным богам.

Приходится делать длинный объезд, чтобы обогнуть одну из этих гор, после чего перед нами появляется тот же храм, но уже со стороны фасада. Теперь нам кажется, что он прислонен к горе, хотя его отделяет от нее глубокий овраг; но она разворачивается за ним и над ним, обнимает, окружает, как будто укрывает и ласкает его. И он с великолепной отчетливостью выделяется всеми своими тридцатью шестью дорическими колоннами на широкой зеленой завесе, служащей фоном огромному зданию, одиноко стоящему среди безбрежно широкого простора.

Когда глядишь на этот величественный и простой пейзаж, чувствуешь, что здесь можно было поставить только греческий храм и что поставить его можно было только здесь. Мастера декоративного искусства, обучавшие человечество, показали, особенно в Сицилии, каким глубоким, утонченным знанием эффектов и компановки они обладали. Дальше я буду говорить о храмах Джирдженти. Храм Сегесты воздвигнут у подножия горы, наверно, гениальным человеком, которому в озарении открылось то единственное место, где надо было его воздвигнуть: этот храм один оживляет беспредельность открывшейся панорамы, придает ей жизнь и божественную красоту.

На вершине горы, вдоль подножия которой нам пришлось следовать, чтобы дойти до храма, находятся развалины театра.

Когда попадаешь в страну, где греки жили или основали некогда свои колонии, достаточно разыскать их театры, чтобы найти место, с которого открываются самые красивые виды. Если они воздвигали свои храмы именно в тех местах, где последние производят наибольший эффект и лучше всего украшают пейзаж, то театры, наоборот, они помещали именно там, где глазу открывалась наиболее волнующая перспектива.

Сегестский театр, расположенный на вершине горы, образует центр целого амфитеатра возвышенностей, окружность которого достигает по меньшей мере от ста пятидесяти до двухсот километров. Вдали, за ближайшими вершинами, глаз различает еще другие, а сквозь широкий пролет, прямо против вас, видно море, синее среди зеленых вершин.

На следующий день после осмотра Сегесты можно посетить и Селинунт — огромное нагромождение рухнувших колонн, одни из которых упали рядами друг подле друга, как убитые солдаты, другие же рассыпаны хаотическими грудями.

Эти развалины гигантских храмов, самые обширные в Европе, наполняют целую равнину и усеивают еще один холм в конце этой равнины. Они тянутся по всему взморью, длинному взморью, покрытому бледным песком, на котором лежит несколько рыбацких лодок, хотя нигде не видно жилья рыбаков. Впрочем, эти бесформенные кучи камней могут заинтересовать только археологов или людей с поэтической душой, которых волнуют следы прошлого.

Джирдженти — древний Агригент, — расположенный, как и Селинунт, на южном берегу Сицилии, представляет самое удивительное собрание храмов, какое только можно увидеть.

На гребне длинного каменистого берега, совершенно голого, огненно-красного, без единой травинки, без единого куста, возвышаются над морем, берегом и гаванью на синем фоне южного неба, — если глядеть снизу, — величественные каменные очертания трех великолепных храмов.

Они как бы парят в воздухе среди этого великолепного и печального пейзажа. Все мертво, бесплодно и желто вокруг них, перед ними и позади них. Солнце сожгло, испепелило землю. А может быть, и не солнце источило почву, а подземный огонь, который никогда не угасает в жилах этого вулканического острова. Ведь повсюду вокруг Джирдженти тянется своеобразная область серных копей. Здесь все из серы: земля, камни, песок, решительно все.

А они, эти храмы, вечные жилища богов, умерших так же, как и их братья, люди, по-прежнему стоят

на диких холмах на расстоянии полукилометра друг от друга;

Вот прежде всего храм Лакинийской Юноны, где, по преданию, хранилась знаменитая картина с изображением Юноны, написанной Зевксисом, который выбрал себе для модели пять самых красивых девушек Акрагаса.

Потом храм Мира, один из наиболее сохранившихся храмов древности, потому что он в средние века служил церковью.

Еще дальше — остатки храма Геркулеса.

И наконец гигантский храм Юпитера, тот храм, который снискал похвалу Полибия и был описан Диодором; он построен в V веке и содержит тридцать восемь полуколонн по шести с половиной метров в окружности. В каждом желобке такой колонны может поместиться человек.

Сидя на краю дороги, идущей у подножия этого изумительного скалистого побережья, невольно предаешься мечтам и воспоминаниям об этом величайшем народе-художнике. Кажется, что видишь перед собою весь Олимп, Олимп Гомера, Овидия, Вергилия, Олимп очаровательных богов, плотских, страстных, как мы сами, поэтически олицетворявших все порывы нашего сердца, все грезы нашей души, все влечения наших чувств.

На фоне этого античного неба встает весь античный мир. Вас охватывает могучее и необычное душевное волнение, вам хочется преклонить колени перед этим величественным наследием, оставленным нам учителями наших учителей.

Конечно, Сицилия — прежде всего священная земля, ибо если мы в ней находим эти последние обители Юноны, Юпитера, Меркурия и Геркулеса, то здесь же встречаются и самые замечательные христианские церкви в мире. Воспоминание, которое остается у вас о соборах в Чефалу или в Монреале, а также о Дворцовой капелле, об этом чуде из чудес, еще более глубоко и живо, чем воспоминание о памятниках греческой архитектуры.

У подножия холма с храмами Джирдженти начинается изумительная страна, которая представляется подлинным царством сатаны; ведь если, как верили в прежние времена, сатана обитает в обширной подземной области, где в расплавленной сере варятся грешники, то несомненно, что он основал свое таинственное царство именно в Сицилии.

Сицилия дает чуть ли не всю мировую добычу серы. На этом огненном острове серные копи насчитываются тысячами.

Прежде всего, в нескольких километрах от города находится любопытный холм, названный Маккалуба, состоящий из глины и известняка и покрытый небольшими конусами в два — три фута высотой. Они напоминают нарывы, какую-то чудовищную болезнь природы, так как из каждого конуса течет горячая грязь, похожая на отвратительный почвенный гной; порою они выбрасывают на значительную высоту камни и со страшным хрипом выдыхают газы. Кажется, что они ворчат, эти грязные, стыдливые маленькие вулканы, прокаженные ублюдки, прорвавшиеся нарывы.

Оттуда мы отправляемся осматривать серные копи. Мы вступаем в область гор. Это поистине страна опустошения, жалкая, как бы проклятая земля, осужденная самой природой. Перед нами открываются серые, желтые, каменистые, мрачные долины, носящие на себе печать божьего гнева и в то же время словно гордящиеся своим одиночеством и нищетой.

Наконец нам удастся разглядеть какие-то жалкие низенькие постройки. Там находятся копи. В этой местности их, кажется, насчитывают более тысячи.

При входе в ограду одной из копей нам прежде всего бросается в глаза странный холмик, сероватый и дымящийся. Это и есть серный источник, созданный трудом человека.

Вот как добывают серу. Выходя из копей, она черновата, смешана с землей, с известняком и прочими породами. Она представляет собою нечто вроде камня, твердого и ломкого. Как только эти камни доставлены из штольни, их складывают в высокую кучу, которую затем поджигают изнутри. И вот медленный, непрерывный и глубокий пожар в течение целых недель пожирает центр этой искусственной горы, выделяя из нее чистую серу, которая плавится и стекает, как вода, по маленькому каналу.

Полученный таким образом продукт снова обрабатывают в чанах, где он кипит и окончательно очищается.

Копи, из которых добывают серу, похожи на любые другие копи. По узкой лестнице с огромными неровными ступенями вы спускаетесь в штольни, вырытые в сплошном слое серы. Этажи, расположенные одни над другими, соединены широкими отверстиями, подающими воздух в самые глубокие из них. И все же в конце спуска вы задыхаетесь от удушливых серных испарений и страшной,

как в бане, жары, от которой бьется сердце и кожа покрывается испариной.

Но на другом берегу острова, или, вернее сказать, в нескольких часах езды от берега, можно наблюдать такое изумительное явление природы, что, увидев его, вы забываете о ядовитых копиях. Я говорю о Вулькано, этом фантастическом серном цветке, распустившемся среди открытого моря.

Вы отплываете в полночь из Мессины на грязном пароходе, где даже пассажиры первого класса не могут найти скамейки, чтобы присесть на палубе.

Ни малейшего ветерка; движение судна одно нарушает тишину воздуха, словно дремлющего над водой.

Берега Сицилии и берега Калабрии благоухают таким сильным ароматом цветущих апельсиновых деревьев, что весь пролив надушен, как женская спальня. Вскоре город уходит вдаль, мы плывем между Сциллой и Харибдой, горы позади нас опускаются, и над нами появляется приплюснутая снеговая вершина Этны; при свете полной луны гора кажется увенчанной серебром.

Потом вы ненадолго засыпаете — монотонный шум винта убаюкивает — и открываете глаза уже при свете зарождающегося дня.

Вон там, прямо против вас, Липарские острова. Первый слева и последний справа выбрасывают в небо клубы густого белого дыма. Это Вулькано и Стромболи. Между этими двумя огнедышащими горами вы видите Липари, Филикури, Аликури и несколько островков, невысоко поднимающихся над водой.

Вскоре пароход останавливается перед маленьким островом и маленьким городком Липари.

Несколько белых домов у подножия высокого зеленого берега. Больше ничего, и ни единой гостиницы: иностранцы не приезжают на этот остров.

Он плодороден, очарователен, окружен восхитительными скалами причудливых форм, густого приглушенного красного цвета. Здесь имеются минеральные воды, которые раньше посещались, но епископ Тодазо велел разрушить построенные тут купальни, дабы оградить свою паству от притока и влияния иностранцев.

Липари заканчивается на севере оригинальной белой горой, которую издали под более холодным небом можно было бы принять за снеговую. Здесь добывают пемзу для всего света.

Я нанимаю лодку, чтобы посетить Вулькано.

Четыре гребца ведут ее вдоль плодородного берега, засаженного виноградниками. Странно видеть отражение красных скал в синем море. Вот и маленький пролив, разделяющий оба острова. Конус Вулькано выступает из волн, как огнедышащая гора, потонувшая в море до самой вершины.

Это дикий островок, наиболее высокая точка которого достигает четырехсот метров над уровнем моря, а поверхность равняется приблизительно двадцати квадратным километрам. Прежде чем добраться до него, приходится объехать другой островок, Вульканелло, поднявшийся внезапно из воды около двухсотого года до рождества Христова и соединенный со старшим своим братом узкою полосой земли, которая в бурную погоду заливается волнами.

Но вот мы в глубине плоской бухты, прямо против дымящегося кратера. У его подножия стоит дом, в котором живет один англичанин; в эту минуту он, по-видимому, спит, иначе я не имел бы возможности взобраться на вулкан, эксплуатируемый этим промышленником; но он спит, и я прохожу обширным огородом, затем миную небольшой виноградник, принадлежащий англичанину, и наконец целую рощу цветущего испанского дрока. Кажется, что огромный желтый шарф обмотан вокруг конуса горы, вершина которой тоже желтая, ослепительно желтая под яркими лучами солнца. Я поднимаюсь по узкой тропинке, которая извивается по пеплу и лаве, поворачивает то вправо, то влево и возвращается назад, крутая, скользкая и твердая. Местами вы видите окаменевший каскад серы, который излился из расселины, подобно водопадам, низвергающимся в швейцарских горах.

Это похоже на ручей из феерии, на застывший свет, на поток солнечных лучей.

Я наконец добираюсь до вершины — до широкой площадки, окружающей большой кратер. Земля дрожит, и передо мной из отверстия величиной с человеческую голову неистово вырывается огромный фонтан пламени и пара, а с краев этого отверстия стекает жидкая сера, позолоченная огнем. Она образует вокруг этого фантастического источника желтое, быстро затвердевающее озеро.

Дальше другие расселины также извергают белый пар, поднимающийся тяжелыми клубами в синем воздухе.

Я не без страха ступаю по горячему пеплу и лаве и дохожу до самого края большого кратера. Трудно представить себе зрелище более неожиданное и поражающее.

На дне огромной чаши, называемой «фосса», шириною в пятьсот метров и около двухсот глубиною,

штук десять гигантских расселин и широких круглых отверстий изрыгают огонь, дым и серу со страшным шумом кипящих котлов. Спускаюсь по склону этой пропасти и прохожу у самого края разъяренных пастей вулкана. Все желто вокруг меня, у моих ног и надо мною, ослепительно, умопомрачительно желто. Все желто: почва, высокие стены кратера и самое небо. Желтое солнце льет в клочущую бездну пылающий свет, который в соединении с жаром этой серной чаши причиняет боль, словно ожог. И видишь, как кипит текущая желтая жидкость, видишь, как расцветают причудливые кристаллы, как пенятся кислоты ярких и странных оттенков на раскаленных губах очагов.

Англичанин, почивающий в эту минуту у подножия горы, собирает, эксплуатирует и продает эти кислоты, эти жидкости, все то, что изрыгает кратер; ведь все это, по-видимому, стоит денег, и больших денег.

Я медленно возвращаюсь, с трудом переводя дух, запыхавшись, чувствуя удушье от невыносимого дыхания вулкана, и, вскоре достигнув вершины конуса, вижу все Липарские острова, рассыпанные, как бусинки, вдоль берега.

Вон там, прямо напротив, возвышается Стромболи, а позади меня — гигантская Этна, которая словно смотрит издали на своих детей и внуков.

На обратном пути я заметил с лодки скрывавшийся за Липари остров. Лодочник назвал его «Салина». На этом-то острове и выделывают мальвазию.

Мне захотелось выпить на месте бутылку этого знаменитого вина. Оно похоже на сироп из серы. Это подлинное вино вулканов, густое, сладкое, золотистое и настолько насыщенное серою, что вкус ее остается у вас во рту до самого вечера. Вино сатаны.

Грязный пароходик, который доставил нас сюда, увозит меня и обратно. Сперва я вижу Стромболи. Это круглая высокая гора, вершина которой дымится, а подножие погружено в море. Это просто огромный конус, поднимающийся из воды. На склонах горы видишь несколько домов, прилепившихся к ней, как морские раковины к скале. Затем глаза мои обращаются к Сицилии, куда я возвращаюсь, и уже не могут оторваться от Этны, грузно усевшейся на острове, подавляя его своей страшной, чудовищной тяжестью и возвышаясь снежною вершиною над всеми другими сицилийскими горами.

Все эти высокие горы выглядят карликами перед Этной, но и сама она кажется невысокой, настолько она широка и тяжела. Чтобы постигнуть размеры этого грузного великана, надо глядеть на него с открытого моря.

Налево показывается гористое побережье Калабрии, и Мессинский пролив раскрывается, как устье реки. Мы проникаем в него и вскоре входим в гавань.

Город Мессина не представляет ничего интересного. В тот же день я сажусь в поезд и еду в Катанию. Дорога идет по очаровательному берегу, огибает заливы причудливой формы, которые оживлены маленькими белыми деревушками, расположенными в глубине бухт и около песчаных пляжей. А вот и Таормина.

Если бы человек, располагающий всего одним днем для пребывания в Сицилии, спросил меня: «Что мне повидать в Сицилии?», — я бы, не колеблясь, ответил ему: «Таормину».

Это только пейзаж, но такой пейзаж, в котором вы найдете все то, что, словно нарочно, создано на земле, чтобы пленять взор, ум и воображение.

Деревня прилепилась к склону большой горы, словно скатившись с ее верха, но мы только проходим через нее, хотя там есть несколько интересных памятников старины, и направляемся к греческому театру, чтобы оттуда полюбоваться заходом солнца.

Говоря о театре в Сегесте, я сказал, что греки как несравненные мастера декоративного искусства умели выбрать то единственное место, где должен быть построен театр, место, созданное для того, чтобы радовать эстетическое чувство.

Театр Таормины так изумительно расположен, что во всем мире не найдется места, которое могло бы выдержать сравнение с ним. Проникнув в ограду и осмотрев сцену, единственную, которая хорошо сохранилась до наших дней, вы подымаетесь на обрушившиеся и поросшие травой скамьи амфитеатра; некогда они предназначались для публики и могли вместить тридцать пять тысяч зрителей. Затем вы бросаете взгляд вокруг.

Прежде всего вы видите развалины, печальные, гордые, рухнувшие; среди них стоят, все еще совершенно белые, прелестные мраморные колонны, увенчанные капителями; далее, поверх стен, вы видите у своих ног безграничную морскую даль, берег, который тянется до самого горизонта, усеянный огромными скалами, окаймленный золотыми песками, оживленный белыми деревушками;

а вправо от вас, превыше всего, господствуя над всем, заполняя своей массой половину небосклона, — дымящая в отдалении, покрытая снегом Этна.

Где в наши дни найдется народ, который сумел бы создать нечто подобное? Где люди, которые для увеселения толпы сумели бы воздвигнуть здания, подобные этому?

А вот те люди, люди древности, обладали душой и глазами, не похожими на наши, и в их крови было нечто такое, что теперь исчезло: любовь к Прекрасному и восхищение им.

Но мы едем в Катанию, откуда я намереваюсь взобраться на вулкан.

Время от времени он показывается между двумя горами, увенчанный неподвижным белым облаком паров, исходящих из кратера.

Повсюду вокруг нас почва коричневая, цвета бронзы. Поезд несется по берегу из лавы.

Все же чудовище еще далеко от нас, пожалуй, на расстоянии тридцати шести или сорока километров. Тут только постигаешь, до чего оно огромно. Его гигантская черная пасть время от времени изрыгала горячий поток горной смолы, который стекал по отлогим или крутым скатам, заполнял долины, погребал деревни, уносил людей, как река, и наконец, докатившись до берега, угасал в море, заставляя его отступать. Эти медленные, вязкие красные волны образовали гряды прибрежных утесов, горы и овраги, затем они затвердели и потемнели, создав вокруг огромного вулкана черную и странную местность, изрытую, бугристую, извилистую, невероятную, начертанную случайностью извержений и страшной фантазией горячей лавы.

Иногда Этна в течение нескольких веков пребывает в покое и только выпускает из кратера в небо тяжелые клубы дыма. Тогда под действием дождей и солнца лава старых потоков распыляется, превращаясь в своего рода золу, в песчаную и черную землю, на которой растут оливковые, апельсиновые, лимонные и гранатовые деревья, виноградники и хлеба.

Трудно найти местечко более зеленое, более привлекательное, более чарующее, чем Ачи-Реале, расположенный среди апельсиновой и оливковой рощи. Далее между деревьев порою снова мелькает широкая черная полоса, устоявшая перед временем, сохранившая первоначальные формы кипящей лавы, необычайные контуры, подобия сплетенных животных и сведенных рук и ног.

А вот и Катания, обширный и красивый город, весь выстроенный на лаве. Из окон Гранд-отеля мы видим вершину Этны.

Прежде чем на нее взобраться, расскажем в нескольких словах историю этой горы. По верованию древних, Этна была кузницей Вулкана. Пиндар описал извержение 476 года, однако Гомер не упоминает об Этне как об огнедышащей горе. Впрочем, уже в доисторические времена сиканы вынуждены были бежать от нее. Всех ее извержений насчитывается около восьмидесяти.

Самые страшные были в 396, 126 и 122 годах до рождения Христова, далее извержения 1169, 1329, 1537 и особенно сильное в 1669 году, которое выгнало из жилищ свыше двадцати семи тысяч человек и уничтожило очень многих.

Тогда-то и вышли неожиданно из земли две высоких горы — Монти Росси.

Извержение 1693 года, сопровождаемое страшным землетрясением, разрушило около сорока городов и погребло под их развалинами почти сто тысяч человек. Извержение в 1755 году произвело страшные опустошения. Извержения 1792, 1843, 1852, 1865, 1874, 1879 и 1882 годов были столь же сильны и разрушительны. Лава то вырывается из главного кратера, то открывает для себя на склонах горы новые выходы в пятьдесят — шестьдесят метров шириною и, прорвавшись сквозь эти расселины, стекает в равнину.

26 мая 1879 года лава, сперва вытекавшая из кратера, возникшего в 1874 году, вскоре прорвалась из нового конуса высотой в сто семьдесят метров, образовавшегося под ее напором на высоте в две тысячи четыреста пятьдесят метров над уровнем моря. Она быстро сбегала вниз и, перерезав дорогу из Лингваглосса в Рондаццо, остановилась близ речки Алькантара. Пространство, залитое этим потоком лавы, равнялось двадцати двум тысячам восьмистам шестидесяти гектарам, хотя извержение длилось не более десяти дней.

В то время кратер на вершине Этны извергал лишь густые клубы пара, песок и пепел.

Благодаря исключительной любезности г-на Рагуза, члена Альпийского клуба и владельца Гранд-отеля, мы совершили с величайшей легкостью восхождение на вулкан, восхождение, несколько утомительное, но вовсе не опасное.

Сперва мы ехали в экипаже до Николози — через поля и сады, деревья которых выросли на разрыхленной лаве. Время от времени мы пересекали потоки застывшей лавы, сквозь которую прорублен проход для дороги. Почва повсюду черная.

После трех часов пути по отлогому скату мы доезжаем до последней у подножия Этны деревни Николози, расположенной уже на высоте семисот метров и на расстоянии четырнадцати километров от Катании.

Здесь мы оставляем коляску, берем проводника, мулов, одеяла, шерстяные чулки и перчатки и отправляемся дальше.

Уже половина пятого. Жгучее солнце восточных стран изливает свои лучи на эту необыкновенную землю, накаляет ее и жжет.

Животные идут медленно, усталым шагом, поднимая вокруг себя облака пыли. Последний мул, нагруженный багажом и провизией, то и дело останавливается, словно огорчаясь тем, что ему еще раз приходится проделывать этот бесполезный и трудный путь.

Теперь вокруг нас виноградники, растущие на лаве, одни — старые, другие — недавно посаженные, А вот ланда, ланда из лавы, покрытая цветущим дроком, золотая ланда; потом мы пересекаем огромный поток застывшей лавы 1882 года и останавливаемся, пораженные этой грандиозной рекой, черной и неподвижной, этой бурлящей и окаменелой рекой, докатившейся сверху, с дымящейся вершины, такой далекой-далекой, километров за двадцать отсюда. Эта река текла по долинам, огибала остроконечные вершины, пересекала равнины, и вот она теперь у наших ног, внезапно остановившаяся в своем течении, когда иссяк ее огненный источник.

Мы поднимаемся, оставляя слева горы Монти Росси и открывая все время другие горы, множество других гор, которые наши проводники называют сыновьями Этны, выросшими вокруг этого чудовища, обвитого ожерельем вулканов. Их всего около трехсот пятидесяти, этих черных отпрысков старого вулкана; многие из них достигают высоты Везувия.

Теперь мы проезжаем через редкий лес, тоже выросший на лаве. Вдруг поднимается ветер. Сперва это резкие, сильные порывы, за которыми следует момент затишья, потом налетает бешеный, почти непрерывный ураган, который вздымает и мчит густые тучи пыли.

Мы останавливаемся за стеной из лавы, чтобы переждать, и задерживаемся здесь до ночи. Наконец приходится опять пускаться в путь, хотя буря не прекращается.

И вот понемногу нас охватывает холод, тот пронизывающий холод горных вершин, который леденит кровь и парализует тело. Он словно подстерегает нас, притаившись в самом ветре; он колет глаза и жжет кожу ледяными прикосновениями. Закутавшись в одеяла, мы идем, белые, как арабы, надев теплые перчатки, закрыв головы капюшонами и предоставив нашим мулам самим выбирать дорогу; они следуют гуськом, один за другим, спотыкаясь на неровной и темной тропе.

Вот наконец Casa del Bosco, лесная хижина, в которой живут пять — шесть дровосеков. Проводник заявляет, что дальше идти в такую бурю невозможно, и мы просим приюта на ночь. Дровосеки встают, зажигают огонь и уступают нам два теплых соломенных матраца, набитых, видимо, одними блохами. Вся хижина дрожит и колеблется под напором бури, и ветер бешено врывается под плохо скрепленные черепицы кровли.

Не придется нам увидеть восход солнца на вершине горы.

После нескольких часов отдыха без сна мы снова пускаемся в путь. Настал день, и ветер стихает.

Теперь перед нами разворачивается черная волнистая местность; она незаметно подымается к области вечных снегов, ослепительно блистающих у подножия последнего конуса высотой в триста метров.

Хотя солнце восходит на безоблачно синем небе, но от холода, от жестокого холода горных высот, стынут пальцы и лицо. Наши мулы медленно бредут гуськом по извилистой тропе, огибающей все капризные неровности лавы.

Вот первая снежная поляна. Мы делаем крюк, чтобы ее обойти. Но вскоре за первой следует вторая, которую приходится пересекать по прямой линии. Животные в нерешительности нащупывают ногами путь и осторожно продвигаются вперед. Вдруг я чувствую, что проваливаюсь. Передние ноги моего мула пробили корку замерзшего снега, на которую они опирались, и животное погрузилось по самую грудь. Испуганный мул бьется, подымается, снова проваливается всеми четырьмя ногами и опять подымается, чтобы снова упасть.

То же происходит и с другими мулами. Нам приходится спешиться, успокаивать их, помогать им, вытаскивать их. На каждом шагу они погружаются по брюхо в эту белую и холодную пену, куда наши ноги также уходят до колен. Между полосами снега, покрывающего впадины, нам снова попадает лавя, широкие равнины лавы, подобные огромным полям черного бархата, Сверкающие под солнцем так же ярко, как самый снег. Это пустынная область, мертвая страна, как бы одетая в траур, сплошь

белая и черная, ослепительная, страшная, великолепная, незабываемая.

После четырех часов тяжелого пути мы доходим до Casa Inglese, маленького каменного домика, окруженного льдами, почти погребенного в снегах, у подножия последнего конуса, который возвышается за ним, огромный, отвесный, увенчанный дымом.

Обычно здесь проводят ночь на соломе, чтобы утром взойти на вершину кратера и полюбоваться оттуда восходом солнца. Здесь мы оставляем своих мулов и начинаем взбираться по этой страшной стене из застывшего пепла, подающегося под ногами, где не за что ухватиться, не за что удержаться, где сползаешь назад через каждые два шага. Мы подвигаемся вперед, задыхаясь, тяжело переводя дух, втыкая в мягкую почву железное острие палки и поминутно останавливаясь.

При подъеме необходимо втыкать палку между колен, чтобы не поскользнуться и не слететь вниз: скат такой крутой, что на нем невозможно удержаться даже сидя.

Приходится затратить около часа, чтобы взобраться на триста метров. Уже с некоторого времени горло щекочут удушливые серные пары. То справа, то слева мы видим высокие столбы дыма, вырывающиеся из расселин в почве; мы дотрагиваемся руками до больших раскаленных камней. Наконец мы достигаем узкой площадки. Перед нами, как белый занавес, медленно подымается густое облако, исходящее от земли. Мы делаем еще несколько шагов, закрывая нос и рот, чтобы не задохнуться от серы, и вдруг под самыми нашими ногами разверзается огромная страшная пропасть пяти километров в окружности. Сквозь удушливые испарения едва можно разглядеть противоположный край этой чудовищной ямы, достигающей в ширину тысячи пятисот метров, отвесные стены которой уходят в таинственную и страшную область огня.

Зверь сейчас спокоен; он спит в глубине, в самой глубине. Только дым вырывается из этой гигантской трубы, вышиною в три тысячи триста двенадцать метров.

Вокруг нас еще более необычайное зрелище. Всю Сицилию скрывают от наших взоров туманы, которые обрываются на берегу моря, окутывая одну лишь сушу; мы словно стоим в небе, над облаками, среди голубого воздушного океана, на такой высоте, что Средиземное море, простирающееся перед нами, насколько видно глазу, тоже кажется синим небом. Лазурь обнимает нас со всех сторон. Мы же стоим на вершине дивной горы, которая как бы выходит из облаков и тонет в небесах, распростершихся над нашей головой, у наших ног, повсюду.

Но мало-помалу туман, разлитый над островом, подымается вокруг нас и окружает огромный вулкан кольцом облаков, бездной облаков. Теперь и мы, в свою очередь, на дне совершенно белого кратера, откуда уже ничего не видно, кроме голубого неба там, наверху.

Говорят, что в другие дни картина бывает совершенно иная.

Обычно ждут восхода солнца, которое появляется из-за берегов Калабрии. Они далеко отбрасывают тень через море, до самого подножия Этны, темный, необъятный силуэт которой покрывает всю Сицилию своим огромным треугольником, постепенно тающим, по мере того как восходит дневное светило. Тогда открывается панорама диаметром больше четырехсот километров и окружностью в тысячу триста километров, с Италией на севере и с Липарскими островами, оба вулкана которых словно приветствуют своего отца; далеко на юге едва виднеется Мальта. В сицилийских портах корабли похожи на ползущих по морю насекомых.

Мы начинаем спускаться по крутому склону кратера больше на спине, чем на ногах, и вскоре вступаем в пояс густых облаков, окружающих вершину горы. Целый час мы пробираемся сквозь туман и наконец выходим из него и видим у наших ног зеленый остров с изрезанными берегами, с заливами, мысами, городами и с обрамляющим его ярко-синим морским простором.

По возвращении в Катанию мы на другой же день отправляемся в Сиракузы.

Путешествие по Сицилии надо завершать посещением этого небольшого, оригинального и очаровательного городка. Он прославился не менее самых крупных городов; царствовавшие в нем тираны были столь же знамениты, как и Нерон; город производит вино, воспетое поэтами, и господствует над заливом, в который впадает небольшая речка Анапо, а на берегах этой речки растет папирус — хранитель тайн человеческой мысли. В стенах Сиракуз заключена одна из прекраснейших Венер в мире.

Люди пересекают материки, чтобы поклониться какой-либо чудотворной статуе, я же совершил паломничество, чтобы поклониться Венере Сиракузской.

В альбоме одного путешественника я как-то увидел фотографию этой божественной мраморной самки; и я влюбился в нее, как влюбляются в живую женщину. Возможно, что ради нее я и предпринял это путешествие; я говорил и мечтал о ней постоянно, еще не видев ее.

Но мы приехали слишком поздно, чтобы попасть в музей, вверенный попечению профессора Франческо Саверио Кавалари, который, подобно новому Эмпедоклу, спустился в кратер Этны, чтобы выпить там чашку кофе.

Итак, мне оставалось пройти по городу, построенному на островке и отделенному от суши тремя стенами, между которыми проходят три морских пролива. Город, небольшой и привлекательный, стоит на берегу залива, и его сады и бульвары спускаются к самой воде.

Затем мы отправляемся осмотреть Латомии — огромные ямы под открытым небом, которые сперва были каменоломнями, а впоследствии превратились в тюрьмы, где в течение восьми месяцев были заключены афиняне, взятые в плен после поражения Никия; они страдали в этом огромном рву от голода, жажды, невыносимой жары и умирали в грязи, где кишела всякая нечисть.

В одной из них, в Райской Латомии, в глубине пещеры имеется странное отверстие, называемое ухом Дионисия, который, по преданию, подходил к краю этой дыры, чтобы слушать стоны своих жертв. Существуют и другие версии. Некоторые хитроумные ученые полагают, что эта пещера, соединенная с театром, служила подземным залом для представлений, ибо при ее необычайном резонансе малейший звук усиливается до невероятных размеров.

Самая любопытная из Латомий, — несомненно, Латомия капуцинов; это большой широкий сад, разделенный сводами, арками, огромными скалами и окруженный белыми утесами.

Немного подальше можно осмотреть катакомбы, занимающие, как говорят, площадь в двести гектаров, где г-н Кавалари нашел один из самых красивых христианских саркофагов, какие только известны.

Затем мы возвращаемся в нашу скромную гостиницу над морем и долго сидим, погружившись в смутные грезы, глядя на красный и синий глаз корабля, стоящего на якоре.

Наступает утро, и так как о нашем посещении предупреждены, то нам тотчас же открывают двери очаровательного маленького дворца, в котором заключены местные коллекции и произведения искусства.

Войдя в музей, я тотчас увидел ее в глубине одной залы; она была прекрасна, как я ее себе и представлял.

У нее нет головы и недостает руки, но никогда еще формы человеческого тела не казались мне более дивными и более волнующими.

Это не опозитизированная, не идеализированная женщина, не величественная или божественная женщина, как Венера Милосская, — это женщина, какова она в действительности, какую любят, какую желают, какую жаждут обнять.

Она полная, с сильно развитою грудью, с мощными бедрами, с немного тяжеловатыми ногами; это плотская Венера, и когда видишь, как она стоит, ее мечтаешь увидеть лежащей. Отломанная рука прикрывала ее грудь; уцелевшею рукою она приподымает одежду, очаровательным жестом заслоняя сокровеннейшие свои прелести. Все ее тело изваяно и задумано ради этого движения, все линии сосредоточены на нем, вся мысль устремлена на него. Этим простым и естественным жестом, полным стыдливости и бесстыдства, который прячет и указывает, скрывает и обнаруживает, привлекает и отстраняет, как будто и определяется все положение женщины на земле.

И мрамор живет. Хочется его ощупать; кажется, что он поддастся под рукой, как живое тело.

Бедра в особенности дышат жизнью и красотой. Как разворачивается во всей своей прелести эта волнистая округлая линия женской спины, что идет от затылка до ступни и выказывает все оттенки человеческой грации в контурах плеч, в округленности бедер, в легком изгибе икр, утончающихся к щиколоткам!

Художественное произведение достигает высшей степени совершенства лишь при условии, что оно одновременно и символ и точное выражение реального.

Венера Сиракузская — это женщина и в то же время символ плоти.

Глядя на голову Джоконды, вы чувствуете себя во власти какого-то искушения мистической и расслабляющей любви. Существуют и живые женщины, глаза которых внушают нам эту мечту о несбыточном, таинственном счастье. В них мы ищем чего-то иного, скрытого за тем, что есть на самом деле: нам кажется, будто они носят в себе и выражают какую-то долю этого неуловимого идеала. Мы гонимся за ним, никогда его не достигая, мы ищем его за всеми неожиданными проявлениями красоты, которые, как нам кажется, таят в себе скрытую мысль, мы ищем его в беспредельной глубине взгляда, которая на самом деле только оттенок радужной оболочки, в очаровании улыбки, которое зависит лишь от складки губ и мгновенного блеска эмали зубов, в грации движений, порожденной

случайностью и гармонией форм.

Так поэты, бессильно пытающиеся сорвать звезды с неба, всегда мучились жаждою мистической любви. Естественная экзальтация поэтической души, доведенная до крайности художественным возбуждением, заставляет эти избранные натуры создавать себе какую-то туманную любовь, безумно нежную, полную экстаза, никогда не удовлетворенную, чувственную, но не плотскую, настолько утонченную, что она исчезает от самой ничтожной причины, недостижимую и сверхчеловеческую. И эти поэты, пожалуй, единственные мужчины, которые никогда не любили ни одной женщины, настоящей женщины, с плотью и кровью, с ее женскими достоинствами и женскими недостатками, с ограниченным, но очаровательным женским умом, с женскими нервами, со всей волнующей природой самки.

Всякая женщина, вдохновляющая их мечту, является символом существа таинственного, но сказочного, того существа, какое они воспевают, эти певцы иллюзий. Она, эта живая, обожаемая ими женщина, является для них чем-то вроде раскрашенной статуи, вроде иконы, перед которой народ преклоняет колени. Где же это божество? Что оно представляет собой? В какой части неба обитает та незнакомка, которой поклонялись все эти безумцы, от первого мечтателя до последнего? Едва они касаются руки, отвечающей на их пожатие, как душа их уносится на крыльях невидимой грезы, далеко от земной действительности.

Обнимая женщину, они преображают, дополняют, искажают ее своим искусством поэтов. Это не ее губы они целуют: это губы, которые им пригрезились. Не в глубину ее синих или черных глаз погружается их восторженный взор, но во что-то неведомое и непознаваемое. Взор их любовницы — лишь окно, через которое они стремятся увидеть рай идеальной любви.

Но если некоторые женщины, волнующие нас, могут внушить нашей душе эту редкую иллюзию, то другие пробуждают в наших жилах тот бурный порыв любви, который положил начало человеческому роду.

Венера Сиракузская является совершенным выражением этой мощной, здоровой и простой красоты. Говорят, что этот чудный торс, изваянный из паросского мрамора, и есть та самая Венера Каллипига, которую описали Афинея и Лампридий и которую подарил сиракузянам император Гелиогабал.

Она без головы? Ну так что же! Символ от этого стал еще полнее. Это женское тело выражает всю истинную поэзию ласки.

Шопенгауэр сказал, что природа, желая увековечить человеческий род, превратила акт его воспроизведения в ловушку.

Эта мраморная статуя, которую можно видеть в Сиракузах, — подлинная ловушка для людей, которую угадал древний ваятель; это женщина, скрывающая и в то же время показывающая соблазнительную тайну жизни.

Ловушка? Ну так что ж! Она притягивает уста, привлекает руку, предлагает поцелуям осязаемую, подлинную, дивную плоть, белую и упругую плоть, округленную, крепкую, сладостную для объятий.

Она божественна не потому, что выражает какую-либо мысль, но потому, только, что прекрасна.

Любуясь ею, вспоминаешь о сиракузском бронзовом овне, одном из лучших экспонатов Палермского музея: он тоже как бы воплощает в себе животное начало мира. Могучий баран лежит, поджав под себя ноги, повернув голову влево. И эта голова животного кажется головою бога, скотского, нечистого и великолепного бога. Лоб у него широкий и кудрявый, глаза далеко расставлены, нос горбатый, длинный, крепкий и гладкий, с поразительным выражением грубой силы. Рога, откиннутые назад, закручиваются и загибаются, выставляя в стороны острые концы под узкими ушами, которые тоже походят на два рога. И взгляд животного — бессмысленный, тревожный и жестокий — пронизывает вас. Чувешь зверя, когдаходишь к этой бронзе.

Кто же эти два дивных художника, которые сумели так ярко воплотить в двух столь различных образах простую красоту живого создания?

Это единственные две статуи, которые, как живые существа, оставили во мне горячее желание увидеть их снова.

В дверях, уходя, я в последний раз бросаю прощальный взгляд на этот мраморный торс, прощальный взгляд, который бросают любимой женщине, покидая ее, и тут же сажусь в лодку, чтобы приветствовать — это долг писателя — папирусы Анапо.

Мы пересекаем залив из конца в конец и видим на плоском голом берегу устье маленькой речки, почти ручья, куда въезжает наша лодка.

Течение очень быстрое, и плыть против него нелегко. Мы пользуемся то веслами, то багром, чтобы скользить по воде, которая быстро бежит между двумя берегами, усеянными массой маленьких ярко-желтых цветочков, между двумя золотыми берегами.

Вот и камыши, которые мы задеваем, проезжая; они сгибаются и выпрямляются снова; дальше из воды встают синие, ярко-синие ирисы, а над ними реют бесчисленные стрекозы, величиною с колибри, трепеща стеклянными перламутровыми крылышками. Далее, на крутых, нависших берегах, растут гигантские лопухи и огромные вьюнки, обвивающие наземные растения и речные камыши.

Под нами, на дне реки, целый лес длинных волнистых водорослей; они движутся, колышутся и словно плывут в колеблющей их воде.

Потом Анапо отделяется от своего притока, древней Цианеи. Мы продолжаем плыть, подталкивая лодку багром. Речка, извиваясь, открывает нашим взорам все новые и новые очаровательные уголки, цветущие и живописные. Наконец появляется остров, заросший странными деревцами. Жидкие трехгранные стебли, от девяти до двенадцати футов вышиною, увенчаны круглыми пучками зеленых нитей, длинных, тонких и гибких, как волосы. Они похожи на головы люден, обращенных в растения и брошенных в воды священного источника языческими богами, некогда населявшими эти места. Это и есть древний папирус.

Крестьяне зовут этот камыш *ruggusa*.

А там дальше их еще больше, целый лес. Они дрожат, шелестят, склоняются, сталкиваются волосатыми лбами и словно ведут между собой беседу о неведомых делах далекого прошлого.

Не странно ли, что почтенное растение, которое сохранило для нас мысли умерших, которое было стражем человеческого гения, носит на тщедушном теле пышную гриву, густую и развевающуюся, как у наших поэтов?

Русский след: сицилийская мозаика

Борис Петрович Шереметев оставил нам первое описание Sicilia в 1698 г.

Екатерина Великая послала Потемкина захватить Лампедузу, чтобы сделать порт для продвижения на восток.

Лирические струны зазвучали в рассказе Черткова при приближении к сегестскому храму, который он сравнивал с одинокой пальмой «среди Оазиса» или с пирамидой, окруженной «бесплодными песками Африканскими». «Если первое ощущение мое при взгляде на этот памятник, было ощущение красоты изящного, то почти в то же мгновение заменилось оно унынием и скорбью о судьбе города, тут некогда процветавшего. Куда девалось многочисленное его население? Кто разрушил другие величественные храмы, театры, здания, дома его граждан? Кто разметал прах, кто рассеял кости этих потомков Энея, этих Троян, изгнанных из их отечества неумолимым роком? Напрасно мы будем вопрошать Историю: она не даст нам удовлетворительного ответа ни на один из этих вопросов. Всё, что мы можем извлечь из писателей древних об этом городе, так кратко, так неполно, что даже не знаем, в какую эпоху последовало разрушение и кому приписать его. Имя этого Герострата история от нас скрыла, а время не сохранило даже гробниц, вмещавших прах жителей Сегесты, ни других зданий, кроме храма».

Чертков Александр Дмитриевич (1789 – 1858 гг.) - археолог и историк. Служа в лейб-гвардии конном полку, участвовал в войнах 1812 - 1814 гг. Выйдя в 1822 г. в отставку, Чертков 2 года провел в Австрии, Швейцарии и Италии; во Флоренции сблизился с Себастианом Чиампи, автором известной книги о сношениях Польши и России с Италией. Здесь он также вел свои путевые записки, из которых были потом напечатаны "Воспоминания о Сицилии". С открытием в 1828 г. турецкой кампании он снова вступил в военную службу, но по окончании кампании навсегда оставил военную службу и жил в Москве. Чертков составил значительный минералогический кабинет, собирал бабочек и описывал флору Острогожского уезда (на итальянском языке). Вскоре он отдался исключительно изучению русской истории и русских и славянских древностей. Одной из первых его работ на этом поприще было "Описание древних русских монет". Оно было первым, отвечавшим требованиям науки, и положило начало точному, систематическому описанию наших древних монет. Академия Наук присудила за "Описание" полную Демидовскую премию, но Чертков отказался от нее, предоставив

деньги на напечатание "Остромирова Евангелия". Дальнейшие труды Черткова: "Описание посольства, отправленного в 1650 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II великому герцогу Тосканскому"; "О переселении Фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю и к нам на Русь, то есть очерк древнейшей истории протославян"; "Фракийские племена, жившие в Малой Азии"; "Пеласго-фракийские племена, населявшие Италию"; "О языке пеласгов, населявших Италию и сравнение его с древнесловенским" и др. Унаследовав от отца и деда по матери значительную библиотеку, Чертков усердно пополнял ее преимущественно сочинениями о России и славянстве на всех европейских языках и славянских наречиях. В 1838 г. он выпустил I том описания своей библиотеки; через 7 лет появился II том "Каталога"; всего в обоих томах насчитывалось 8800 книг. Помещенная, по смерти владельца, в доме его сына, Григория Александровича Черткова, библиотека, уже тогда была известна под именем Чертковской, снабжена справочными каталогами и открыта для ученых, литераторов и любителей просвещения. В 1867 г. в ней уже насчитывалось, благодаря частным пожертвованиям, приобретениям и присоединению библиотеки князя А.Н. Голицына, 13 412 сочинений, в 21 349 томах. Хотя Чертковская библиотека была сравнительно невелика, но до образования в Императорской публичной библиотеке отдела Rossica она представляла единственное в России ценное собрание книг о России и славянах, а по обилию редчайших изданий служила и служит богатейшей сокровищницей, изобилующей и редкими рукописями (в 1867 г. их было около 350). При библиотеке был основан и издавался с 1863 по 1873 гг. журнал "Русский Архив", в котором напечатано из нее немало рукописей. В 1873 г. Чертковская библиотека была передана в ведение города и помещена при Румянцевском музее, а с открытием исторического музея в Москве находится при нем. Чертков состоял вице-президентом, потом президентом московского общества истории и древностей российских.

Император Николай I и императрица Александра Фёдоровна любили проводить зиму в Palermo. В октябре 1845 г. царская чета прибыла со своим кортежем из 40 персон на двух судах "Камчатка" и "Бессарабия" с тем, чтобы поправить слабое здоровье императрицы, больной туберкулёзом. С ними приехала их дочь, Великая княжна Ольга, которая именно здесь приняла предложение выйти замуж за принца Вютембергского. Царская семья поселяется на вилле Butera all'Olivuzza княгини Шеховской. Пребывание идёт на пользу царице, и она за короткое время восстанавливает свои силы. Природная и архитектурная красота острова захватывает супругов. Они проводят время в многочисленных визитах и праздниках, устраивающихся в их честь в роскошных сицилийских дворцах. Особенно им нравилось бывать у знатной семье Florio на вилле Quattro Pizzi ("Четыре шпиля"). Историк Bozzo писал про неё: "Зал круглой формы со сводными потолками в готическом стиле, который виден даже с берега моря. Это творение восхищает своим элегантным экстерьером и интерьером, оригинальной раскраской стен и блеском света, проникающего через цветные стёкла окон, - всё это достойно вызвать аплодисменты". Именно этими яркими контрастами фресок, мозаичных окон, пронизанных светом сицилийского солнца, были покорены царь Николай I и царица Александра Фёдоровна. Русский император решает воссоздать копию виллы в Петергофе, в своей летней резиденции на берегу Финского залива. Царь поручает архитектору Андрею Штакеншнейдеру создание розового павильона "Ренелла", используя подлинные рисунки Carlo Giacheri, создателя взятой за образец палермитанской виллы. "Ренелла" появляется в иных географических условиях, но оставляет за собой имя, похожее на имя того местечка Arenella ("Золотой песок"). История коммерческих связей между Сицилией и Россией началась между Николаем I и Ferdinando II, королём Двух Сицилий, в декабре 1845 г. с подписания в Napoli навигационного договора о свободной морской торговле.

В театре Ла Скала побывал 26 декабря 1830 г. Михаил Глинка. Давали оперу Беллини "Сомнамбула". Вот что он написал в своем дневнике: "Эта опера произвела огромный эффект... Мы, обнявшись с Штеричем (русским дипломатом) в ложе посланника, также проливали обильный ток слез умиления и восторга". Музыка Беллини так понравилась Глинке, что он написал несколько сочинений на темы из его опер. Михаил Иванович нередко встречался в Милане со своим итальянским коллегой, с которым

"сблизился до некоторой степени", как записано в его дневнике. Импонировала Глинке и внешность Беллини, который был "белокур, роста стройного и очень приятен лицом".

Борис Петрович Шереметев оставил нам первое описание Sicilia в 1698 г.

Когда-то Сицилию посетил русский археолог Норов, который оставил прекрасные описания руин и окружающей их природы: «После 5-часовой езды по горам, раскаленным от зноя и лишенным жизни, по обрывистым тропам, - изнуренные, томимые жаждою, мы старались открыть нетерпеливыми взорами знаменитый храм Сегеста, который долженствовал быть для нас храмом успокоения. Наконец, когда дикость нагих гор еще более увеличилась, - открылся нам в поразительном величии один из великолепнейших остатков зодчества Греков. Храм сей, находящийся в совершенной целости, стоит как бы забытый временем, на бесплодной горе, окруженной скалами, столь же, как и гора сия, дикими, нагими и мертвыми; нет нигде ни травы, ни источника; не видно ни одной тропы, которая показывала бы следы человека; - глубокие трещины протягиваются по ребрам гор и оврагам; молчание сей дебри ничем не нарушается; солнце, повсюду благотворное, здесь, кажется, вредит; всё мертво...Неизвестно, какому божеству обречен был этот храм; но теперь обитает в нём печальный гений запустения... Глубокий овраг, чрезвычайно обильный живописными кустами алоэ, отделяет с западной стороны местоположение сих храмов от высокого приморского холма; на нём находится теперь сторожевая башня новейших времен, и там, как говорят, построена была главная часть города. Весь холм усеян, в страшном беспорядке, камнями большого размера, меж коими заметим основания трех других храмов; развалины сии заросли непроницаемыми кустами розмаринов, Индейских фиг и алоэ. Поднявшись туда из оврага, видны основания городских ворот, а спускаясь к морю - остатки крыльца, которое вело из города к пристани. Во время отлива в тихую погоду обозначаются в воде несколько обломков береговых столпов с приделанными к ним железными кольцами, для прикрепления кораблей».

Скарлатти был сицилианец. родом из Палермо. Он считается одним из отцов неаполитанской школы. Скарлатти основатель того музыкального языка, который служил классическим композиторам для выражения мыслей до самого конца венского периода. Тематическое развитие, равновесие мелодической фразы, хроматическая гармония - все эти приемы, которые семнадцатый век пытался использовать, Скарлатти удалось вплести в ровную и мягкую ткань, которая достигла своего совершенства у Моцарта. И хотя Моцарт никогда не встречал своего настоящего учителя, он был его лучшим учеником.

А вот по поводу Монреале мнения русских путешественников разошлись.

П. Муратов: «Монреале славится на весь свет бенедиктинским монастырем. Его двор является, конечно, самым богатым и великолепным из романских «киостро». Больше 200 колонн, украшенных затейливой и тонкой резьбой, увенчанных сложными фигурными капителями, поддерживают его стрельчатые арки. Необычайная цветистость всей этой орнаментации была рассчитана на изощренное зрение, на прихотливый вкус. Не так трудно угадать в этом тоже наследство арабов, особенно когда в одном углу видишь совершенно восточный и по формам, и по сладостному чувству фонтан. Монахи, жившие здесь когда-то, умели наслаждаться всем этим, потому что в их жизни было много чисто восточного покоя и восточной созерцательности».

« В соборе Монреале золотые фоны мозаик блестят однообразно до утомительности. Остальные краски кажутся мутными и тусклыми, они не знают сверкания, для которого надо, чтобы свет и тень были разделены. Мертвенные изображения Христа и святых в апсидах видны отовсюду с невыносимой отчётливостью. Почему-то именно этим худшим образцам византийской мозаики суждено было не раз привлекать внимание русских людей, занятых мыслью о национальном искусстве и не имевших понятия о его подлинных и великих примерах. Эти мозаики понравились императору Николаю Павловичу, и они же объясняют многое в варварски пёстрых и громоздких композициях Васнецова. Собор в Монреале ясно говорит, что в конце XII века мозаика отжила своё

время. Её перестали понимать и заставляли нести службу другого искусства.

Воспоминание о посещении собора в 1910 году оставил и Андрей Белый:

Пирь познания ждали нас в Монреальском соборе, чуде мозаики, служившем Рихарду Вагнеру мотивом Сальвата [замок Грааля в «Парсифале»]; здесь в дни Рождества удивлялись роскошеству богослужений; и удивлялись здесь сочетанию фиолетовых и ярко-красных сутан с горожанами в рваных плащах, с носатыми лицами, спрятанными под тень капюшона; из тумана заклинькали колокола колоколенок множества здесь торчавших капелл.

Картина французского художника Noel с изображением курорта Сан Калоджеро хранится в Эрмитаже - она когда-то была привезена в Россию русской императрицей Екатериной после отдыха и лечения на Липари.

Золотые руки

Первых поселенцев на Липари привлекали богатейшие запасы обсидиана , вулканического стекла, который находил большое применение в изготовлении орудий труда того времени. Сегодня, обсидиан – это и история острова, и материал для изготовления местными художниками украшений: бусы, подвески, серьги, броши, кольца..., просто сувенирные фигурки. Особое внимание стоит уделить украшениям, изготовленным в манерах украшений древней микенской культуры – создание рисунка на черной поверхности путем нанесения белых насечек.

Есть на Сицилии и янтарь, но не желтый, а коричневый, зеленоватый или голубоватый, и кораллы, но розовые в желтизну.

В Caltagirone – керамикой украшали улицы и дома и даже 143 ступени лестницы, а в Sciacca – «африканская» керамика.

Но прежде всего невозможно пройти мимо сицилийских тележек... и марионеток!

Путешествие гастронома

Греки внесли в кухню Сицилии оливки и творог, а также барбекю. Римляне - ароматные травы и специи, рыбную икру. Арабы – кускус и кассату и шербет. Французы - мясные рулеты, которые испанцы дополнили «пан-ди-спань» - кексом с шоколадом, томатами, а также пастой с сардинами и апельсиновым салатом с перцем Чили.

Что касается мяса, то употребляют, в основном,, говядину и баранину. На Страстной неделе в день св. Агаты после положенных ритуалов начинается праздник – дома всю ночь освещены и открыты, жарят конину.

Из рыбы и морепродуктов встречаются тунец (его зовут морским мясом), осьминоги, килька, маленькие лобстеры. Bottarga – это икра, в частности, кефали, тунца, рыбы-меча, соленая, прессованная и выдержанная несколько месяцев.

Из овощных культур отметим каперсы, бобы, чечевицу, помидоры артишоки.

В начале X в. близ Palermo мусульмане первыми стали изготавливать спагетти. Когда Марко Поло завез их из Китая на континент, сицилийцы ели спагетти уже 300 лет. По легенде, готовили их с тем овечьим сыром, который Одиссей со спутниками нашел в пещере Полифема на Этне.

Миндаль, мед эвкалиптовый, тимьяновый, розмариновый, апельсиновый, из мушмулы и рожкового дерева, фиги, каштан священника (это потому, что некий бенедиктинец привез сюда каштаны), лимоны, апельсины – корольки, айва и множество других фруктов – просто бальзам на душу россиянина.

Piacentina – это сыр в сыром тесте, вложенный в сычуг животного, что придает ему особый аромат. Vastedda (на диалекте «тарелка»)– белый овечий сыр с резковатым ароматом, который делают в деревянной тарелке. Maiorchino – овечий сыр в вареном тесте. Этот сыр типичен для карнавала, один из дней которого так и называется, а центральный момент праздника - когда его катят по улице. Делается сыр из молока, нагретого до 60 град., залитого затем в сычуг и укрытого овечьей шкурой. Там молоко сворачивается. Затем его нагревают до 100 градусов и выкладывают в круглую форму. Отжав сыворотку, оставляют созревать. Ragusano – сыр из цельного коровьего молока; бывает сладкий, для еды, и сильный, пикантный, его используют тертым. Mozzarella из буйволиного молока – всемирная знаменитость, а riavulillo – свежий сыр из коровьего молока с оливками и пеперончино

хорош жареным. Сыр под названием provolone del Монасо заставляет подумать о монахе, но это всего лишь ироничное прозвище некоего доброго хозяина, хорошего человека, но слишком уж любящего утешать вдовушек. Возможно, provolone помогал этой процедуре. Весом этот сыр в 1.5 и 3 кг, хранится в гротах из туфа 2 года и становится похож на старое вино.

Теперь перейдем к блюдам. Спагетти с чернилами каракатицы, лапша с сардинами, Falsomagro (ложнотолстый) - кусок говядины, начиненный вареными яйцами с чесноком и рубленным мясом. Рисовые апельсины - шарики размером с теннисный из вареного риса, подаются холодными и горячими. Саропата - жареные овощи под кисло-сладким соусом с каперсами, оливками и помидорами. Кускус - блюдо из теста с мясом, рыбой, овощами и пикантным соусом. Рагу привратника называется так потому, что только у него есть столько спокойного времени на работе для приготовления блюда - мясные пластины, в которые завернут сыр, чеснок, семена пинии, готовятся в жире, томатном соусе и красном вине, потом этим соусом заливаются макароны, а рулетики подаются отдельно.

В Siracusa готовят спагетти с килькой, в Trapani - с лобстером.

Мармелад из меда - непривычная сладость. Ацтеки называли шоколадом священный напиток на основе какао. Брат Бернардин де Саагун, который первым использовал это слово, называл так маленькие «сигары», которые ацтеки делали из молотых семян какао и кукурузной муки - масло какао не дает получившейся смеси засохнуть. В Modica готовится без сахара. Frutta Martorana - марципановые фрукты, которые придумала монахиня Эльза. Напиток из миндального молока очень душист. Жасминовое мороженое, мороженое из вина, из творога, из рожкового дерева и на основе других цветов - в жаркий сицилийский поддень это то, что нужно. Cassata - сладость с творогом, сахаром, шоколадом, ванилью, кусочками цукатов и ликером. Cannolo - круглый бисквит с творогом, цукатами и шоколадом. Бисквиты из кукурузной муки тоже хороши.

Ликер Limoncello на Сицилии очень душист, хороши и марсала и сиракузский мускат.

И меню напоследок.

Маслины по-сицилийски

200 г помидор, 40 г стручкового красного перца, 200 г маслин, 40 г желатина, красный молотый перец, соль

сделать пюре из помидоров и стручкового перца, добавить соль и перец и разведенный в воде желатин. Когда пюре начнет застывать, начинить им маслины, из которых удалены косточки. Дать пюре застыть окончательно.

суп из каштанов

100 г картофеля, 80 г сельдерея, 80 г моркови, 100 г лука, 100 г савойской капусты, 50 г фасоли, 200 г каштанов, 1 зубчик чеснока, несколько веточек розмарина, 2-3 кусочков сыра грана, оливковое масло, соль, перец

очистить каштаны и сварить в подсоленной воде с несколькими листочками сельдерея, которые потом вынуть. На дно кастрюли налить немного масла, нагреть ее и поджарить розмарин и чеснок. Все ингредиенты нарезать не слишком крупно и более или менее одинаково. Все соединить и залить водой и варить под крышкой до готовности. В конце варки добавить сыр и вареные каштаны

Свиной шницель по-сицилийски

4 шницеля, 1 луковица, 1 ч. л. смеси базилика и тмина, 500 г помидоров, 500 г тушеных грибов, 500 г томатного соуса, 2-4 ст. л. тертого сыра, жир для жарки, соль, перец

шницели натереть солью, перцем, мелко нарезанным луком, зеленью, обжарить с двух сторон. Снять шницели со сковороды и поставить в теплое место, а на сковороде обжарить резаные помидоры, предварительно посоленные и поперченные. Выложить шницели на помидоры, обложить грибами, полить томатным соусом.

апельсины в коньяке

4 крупных апельсина, 1 ст. коньяка, 100 г меда

очистить апельсины, не разрезая, удалить белую пленку, нарезать поперек кружками. Выложить мед в сотейник, добавить немного воды и поставить на огонь на 3-4 мин. Добавить апельсины и немного потомить, переворачивая. Вынуть, выложить на блюдо, полить коньяком и поставить в холодильник на 1 час.

А это вовсе не сувениры – это сахарные фигурки для украшения тортов!

Что праздновать будем?

Умеют на Сицилии и праздновать.

Мистретто - праздник Мадонна делла Луче: в начале сентября гиганты из папье-маше Хронос и Митий собирают пожертвования, а 8 сентября они склоняются перед Мадонной.

Шакка – особый карнавал – действующие лица – реальные персонажи прошлого.

Acireale знаменит карнавалом и кукольным театром.

В Мессине 13 и 14 августа по городу проезжают на конях Черный мужчина и Белая женщина. По некоторым версиям, это прародители города. А 15 августа верующие толкают повозку на железных колесах высотой 15 м. и весом 8 тонн с многочисленными статуями.

Весенний праздник цветов Noto – это когда ул. Nicolacci украшается по всей длине (122 м) и ширине (6 м) цветочным ковром из 16 картин, сюжеты которых выбираются во время конкурса. Для этого требуется около 400 тыс. цветов, а для обрамления используются листья мирта, фисташки и пр. и местный янтарь, но не желтый, а коричневый, зеленоватый или голубоватый.

Процессия Таинств (Прочессione Деи Мистери) состоится в сицилийском городке Трапани в Страстную Пятницу, 21 марта. Процессия начнется в 14:00 и продлится (почти... 24 часа) до Страстной Субботы. В Италии это самое длительное религиозное действо, а также одно из самых древних. «Священные группы», олицетворяющие Таинства, проходят почти по всем улицам города, и их шествие представляет собой незабываемое зрелище, слагающееся из игры цвета, света, звуков и еще глубоких и искренних переживаний, благодаря которым в процессию вовлекаются тысячи участников. «Таинствами» являются двадцать скульптур, изготовленных из дерева, холста и клея, которые символизируют этапы Страстей Господних и Смерти Христа. Эти укрепленные на деревянных

пьедесталах статуи жители Трапани украшают и проносят через весь город. Время их создания относится к XVII - XVIII столетию, и они являются творением местных мастеров. В течение года статуи хранятся в церкви Къеза дель Пургаторио (Чистилища).

15 июля – праздник покровительницы Palermo св. Розалии. Огромная повозка со статуей святой и оркестром. На Пасху – в пригороде ритуальный спектакль о борьбе добра и зла. Красные дьяволы в ужасных жестяных масках кружатся в танце вокруг желтой Смерти. А по улицам проходит процессия со статуями Марии и Иисуса. Бесы и Смерть стараются добраться до них, но их отгоняют два ангела с мечами.

Пантомима, основанная на исторических событиях 1412 г., разыгрывается в Mezzoiuso: с разных концов города движутся 2 кортежа: с одной стороны - король, тайно влюбленная королева, сводник-домоправитель, дамы, кавалеры, министры, секретари и 2 толстых мавра с кривыми саблями. С другой - Лагерный Мастер - местный герой, в гротескной красной маске и в лавровом венке, посол, трубач, барон с баронессой на осле, капитан артиллерии, кавалеристы и даже Гарибальди. Прибыв на площадь, король, королева и придворные размещаются на подмостках. Мастер отправляет посла с ультиматумом: или король разрешит ему жениться на королевне, или будет война. Естественно, начинается война, в которой влюбленный Мастер всегда проигрывает.

Страсти Христовы в Partanna Mondello – это не застывшие картины и не процессия, а театральное действие, разворачивающееся на площадях города на Пасху.

В S. Biagio Platani (Ag) две команды соревнуются в украшении города мозаиками, скульптурами, целыми зданиями... и все из злаков, разных растений и фруктов

Я поведу тебя в музей: памятники ЮНЕСКО

Valle dei Templi – это не менее 7 храмов, среди них Юпитера (480 г. до н. э.), Диоскуров, Геракла. Есть пещерная часть.

Агригент отличается от других городов тем, что все храмы его имеют свое название.

Город Agrigento, основанный около 582 г., был знаменит крупнейшим дорическим храмом в греческом мире – храмом Зевса Олимпийского. Последние три атланта храма Зевса рухнули 9 декабря 1401 г., в результате сильнейшего землетрясения. Работу природного катаклизма довершили жители Girgenti, употребившие части тел гигантов на постройку молов близлежащего порта, оставив потомкам лишь остатки последнего атланта, распростертого ныне под жарким сицилийским солнцем. Вот и П. Муратов пишет: «побывать здесь ранней весной, когда только-только зацветет миндаль, когда сильно пахнет молодой травой и всюду пестреют полевые цветы юга, - настоящее счастье... гигантские

обломки стен Агригента вперемежку с распаханной землей, виноградниками, оливковыми рощами, лугами, на которых бродят стада коз, перепрыгивая через камни древнего города».

В 580 г. до н. э., здесь, одетым в пурпур и золотую диадему гулял с учениками философ Эмпедокл: «...живут, развлекаются и тратят так, как будто завтра должны умереть, и строят так, как будто они не умрут никогда».

Вот как описывал город Гете: «Столь великолепная весна, какая улыбнулась сегодня на восходе солнца, безусловно, никогда ранее не была подарена нам в нашей здешней жизни. Храм Согласия едва виднеется на южной оконечности этого поля зелени и цветов; на востоке небольшие развалины храма Юноны; руины всех прочих священных зданий, расположенные на той же прямой линии, что и предыдущие, не видны взгляду того, кто стоит наверху».

«Если кто-либо, не посетивший Греции, желает ознакомиться с древнегреческим искусством и произведениями высших эпох его процветания, тот должен посетить Акрагант и Сиракузы. Развалины этих двух сицилийских городов составляют одно целое, потому что взаимно пополняют друг друга. В одном видны остатки храмов и частных домов, в другом – остатки единственной в своем роде крепости, театра и бесчисленное множество гробниц», - писал в 1875 г. И.В.Цветаев, создатель Московского Музея Изыщных Искусств (и отец поэтессы Марины Цветаевой). Здесь же дом Пиранделло.

Пьяцца Армерина – жилые дома 8-7вв до н.э. Вилла дель Казале – 4в. н.э. – 48 комнат, 3 этажа, 3500кв.м покрыты мозаиками. Это был охотничий домик римского патриция – есть предположения, что самого императора Максимилиана. Сюжеты мозаик – самые разные: сцены охоты, подводный мир, жанровые и бытовые сценки. Здесь можно провести целый день, разглядывая их. Как и храм Монреале и Палатинская капелла, это целый мир, в который надо погружаться медленно и постепенно. Лично я ничего подобного не видела...

Val di Noto и города барокко, где именно Ното – столица, домский собор которой называют «каменный сад» 18в. В число других городов долины входят Калтажироне и Милителло. Эти города были разрушены в 1693г. и восстановлены в стиле сицилийского барокко. Такое единовременное воссоздание городов сделало их необыкновенно гармоничными и целостными.

В 733 г. до н. э. был заложен город Siracusa. Это второе поселение на острове, основанное греками в 734-733 гг. до н.э. Наименование Siracusa (или "болото"), оставшееся от сиккульских племен, греки сохранили, т. к. местные земли представляли собой сплошное болото. С эпидемиологической точки зрения территория была совершенно непригодной для создания нового города, но на нее было указано Дельфийским оракулом, и упорные первопроходцы принялись осушать зловонные топи. Они

не рыли ирригационных каналов, а высаживали кипарисы, т.к. эти вечнозеленые деревья лучше других растений способны осушить и укрепить зыбкие почвы. К V в. до н.э. Сиракуза превратилась в самый большой город на Сицилии и в один из самых влиятельных мегаполисов всего Средиземноморья. По оценкам различных историков, численность населения города в то время доходила до 1 млн. жителей. Первым тираном Сиракуз был некий Gelon из города Gela. Будучи отпрыском весьма неименитого рода, Gelon еще в детстве проявил немалые способности в освоении различных наук. Определяющим моментом в его стремительной политической карьере стала весьма выгодная женитьба на Domaretta, дочери правителя Gela. Сам Gelon прославился тем, что по совету жены внес в мирный договор особый пункт, согласно которому карфагеняне должны были отказаться от человеческих жертвоприношений. При этом тиране начали строить театр (возведение которого завершилось уже в III в. до н.э.), выдолбленный в скале, на 15 тыс. зрителей. Авраамий Норов пишет, что «уступы оною и всё поприще хорошо сохранились, но поросли кустами, мхом и плющом... Можно еще различить окружную стену, называемую подиум,.. Теперь, на одной половине театра, на самых уступах, утверждена водяная мельница». На сохранность театра указывает А.Д.Чертков. «Сцена более не существует: камни, из которых она была построена, употреблены при Карле V на сооружение крепостных бастионов в новых Сиракузах. Театр так велик, что две каменные мельницы построены в XVI в., в его внутренности, на ручье тут же протекающем: для этого разобрана была также часть здания и камни употреблены на постройку. Вода, падая с возвышений и протекая по остаткам театра, разрушает его ежедневно, и сглаживает навсегда надписи, еще сохранившиеся». Далее следует интересное сообщение, что «под театром находится подземелье: оно могло служить для помещения машин и других принадлежностей сценических». И где же находятся остатки великолепного храма? «Вам покажут две огромные колонны сего здания, но и те, увы! заделаны в стенах одного частного

дома, на улице, называемой Resaliba. Я не понимал, что со мной делают, когда, для того, чтоб видеть остатки храма, меня вели во второй этаж сего дома; но как увеличилось моё недоумение, когда хозяин подвел меня к неопрятному шкафу или буфету; он раскрыл двери одного, и я увидел закопченный очаг; я всё ещё не понимал этой загадки; - но что ж вы думаете? Этот самый закопченный очаг утвержден был между двумя вершинами величайших колонн, украшенных капителями удивительной работы, но столь покрытых сажей, что едва можно было разглядеть превосходную резьбу оных». А.Норов уделяет довольно большое внимание другому памятнику Сиракуз – храму Юпитера, или Зевса Олимпийского. От 46-ти колонн храма, выстроенного в VI в. до н.э., остались только 2. «Как печален вид сих двух обломанных, но величественных Дорических колонн! Кругом всё мертво; лишь одно карубовое дерево,

прислонясь к колонне, более потерпевшей, - как бы защищает её от времени и от людей. Это ли храм первого из богов, чей жертвенник не переставал куриться, куда приходили с трепетом читать судьбы царств? – Здесь было великолепное изваяние Зевса Олимпийского, прозванного Уриос, т.е. «деятель ветров»; его-то из чистого золота мантию променял Гиерон I на льняную, сказав, что золотая слишком холодна для зимы и тяжела для лета». Эуриало – самый крупный военный замок античности, во дворце Белломо – картины Антонелло да Мессина и Караваджо. В районе Джудекка – одна из самых

древних катакомб, вторая по значимости после римских.

Сиракузы знали много тиранов, но самым легендарным из них по праву считается Дионисий I Великий, который правил городом около 34 лет. Под конец жизни Дионисий перестал доверять не только собственному народу, но и ближайшему окружению. Рассказывают, что он велел распять своего цирюльника только за то, что несчастный, имея в своем распоряжении опасную бритву, теоретически мог зарезать тирана. С тех пор процесс бриться доверялся только дочери Дионисия. С именем Дионисия I связывают появление выражения "Дамоклов меч". При его дворе служил некий Дамокл. Как-то раз приближенный выразил шутливое пожелание провести один день так, как живут тираны, и Дионисий согласился. Весь день Дамокл провел в покоях правителя, спал на лучших постелях, ел экзотическую пищу, наслаждался обществом самых красивых женщин, но, случайно подняв голову, он увидел, что прямо над ним, на тоненьком волоске висит меч. Возмущение Дамокла Дионисий прервал словами: "Ты хотел почувствовать себя настоящим тираном? Теперь ты понимаешь, как живу я, каждый день помня о том, что над моей головой занесен меч!" "Ухо Дионисия" - в годы правления тирана эта узкая щелевидная каменоломня, превращенная в тюрьму, так не называлась. По легенде, сюда подозрительный тиран сажал пленных афинян, которых подозревал в заговоре против себя. Благодаря удивительным акустическим свойствам пещеры, тиран мог слышать даже самые тихие разговоры узников. Первым назвал пещеру "ухом" в 1586 г. художник Караваджо, но он имел в виду лошадиное ухо. Вход в каменоломню действительно напоминал его. Когда живописцу рассказали легенду о любопытном тиране, Караваджо, рассмеявшись, заметил, что правильнее было бы назвать пещеру-тюрьму "ухом Дионисия". У Дионисия I была и другая человеческая слабость.

Сиракузский тиран считал себя талантливым поэтом и драматургом. Время от времени он позволял себе устроить для своих приближенных камерные прослушивания. Однажды один слушатель усомнился в качестве очередного произведения тирана и высказал Дионисию свое мнение, за что, естественно, был отправлен в тюрьму. Спустя несколько месяцев венценосный поэт вновь вызвал критика к себе. Но как только прозвучали первые строки новой драмы, узник попросил вызвать стражу и отправить его в каменоломни, объяснив, что из двух зол он предпочтет меньшее. К чести тирана следует отметить, что он не стал более наказывать честного придворного. Умер Дионисий в достаточно преклонном возрасте, а причиной его смерти стала все та же страсть к литературе. Когда-то оракулы предсказали тирану, что умрет он во время долгожданного триумфа. На одном из поэтических конкурсов жюри присудило-таки Дионисию первую премию. Получив впервые в жизни столь высокую публичную оценку своего творчества, античный владыка умер от радости.

Pantalica входит в состав Национального археологического музея, это самый большой некрополь Европы: более 5000 гробниц, вырубленных в стене в 13-8вв до н.э.

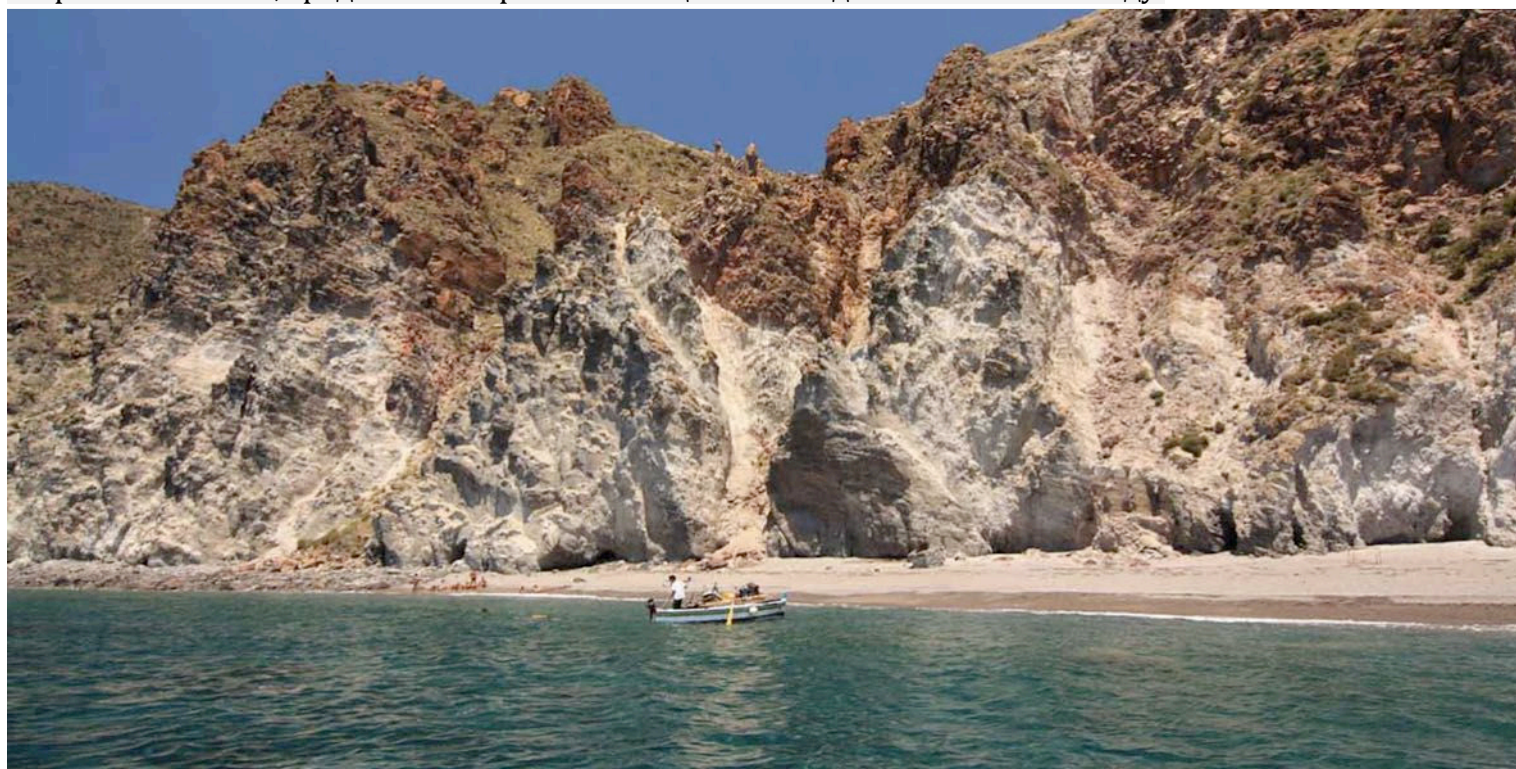

Эоловы острова — единственные в своем роде острова по красоте пейзажей и насыщенному ароматами воздуху, являются достоянием ЮНЕСКО. Черные пески этих островов каждый год привлекают тысячи туристов. Кроме действующих вулканов, привлекают грязевые термальные источники, минеральные бассейны с термальной водой, подогретой недрами до 36 градусов.

Архипелаг Эоловых или Липарских островов находится в южной части Тирренского моря к северу от крупнейшего в Средиземноморье острова Сицилия. Названия : Эоловые или Липарские – имеют мифологическое происхождение и связаны с именами двух персонажей – Липара и его зятя Эола. Липар – сын первого царя Италии в Древнем Риме Авзона, который в свою очередь считался сыном царя Итаки Одиссея и нимфы Калипсо и родоначальником авзонов – древнейшего племени Италии,

которую в древности называли Авзонией. Липар, свергнутый братьями, взял боевые корабли и воинов и отправился из Италии на остров, позднее названный его именем. Там он основал город и ввел земледелие. У него была дочь Киана, которую он и выдал замуж за Эола. Впоследствии, Эол помог ему овладеть областью Суррента на косе мыса Минервы (древнейшая область современной итальянской области Кампания), где он и царствовал. Эол — персонаж древнегреческой мифологии, полубог, властитель воздушной стихии – Бог Ветров. Эоловы (Липарские) острова, застывшие в вулканической лаве, были свидетелями древнейшей истории, воспетой еще Гомером в его поэме о путешествиях великого Одиссея. Именно у Эола нашёл радушный приём во время своих странствований Одиссей и провёл на Эолии целый год, а, при расставании с царём, получил от него в спутники благоприятный зефир и мех из кожи девятилетнего быка, в котором были зашиты остальные ветры. Так начинаются сказания о городе Липара в литературных произведениях.... Но история островов началась еще ранее, следы первых поселений относятся к VI веку до н.э.

Эоловы острова - это 7 островов, расположенных по удаленности от Сицилии в следующем порядке: Вулкано, Липари, Салина, западнее – Филикуди и Аликуди, восточнее – Панареа и Стромболи. Общая площадь архипелага – 117 кв.км., с общим населением около 15 тыс. человек. Есть еще 10 более мелких островков с живописными скалами, которые подчеркивают красоту этих мест. Климат на Эоловых островах – мягкий, средиземноморский. Солнце светит здесь 2528 часов в году.

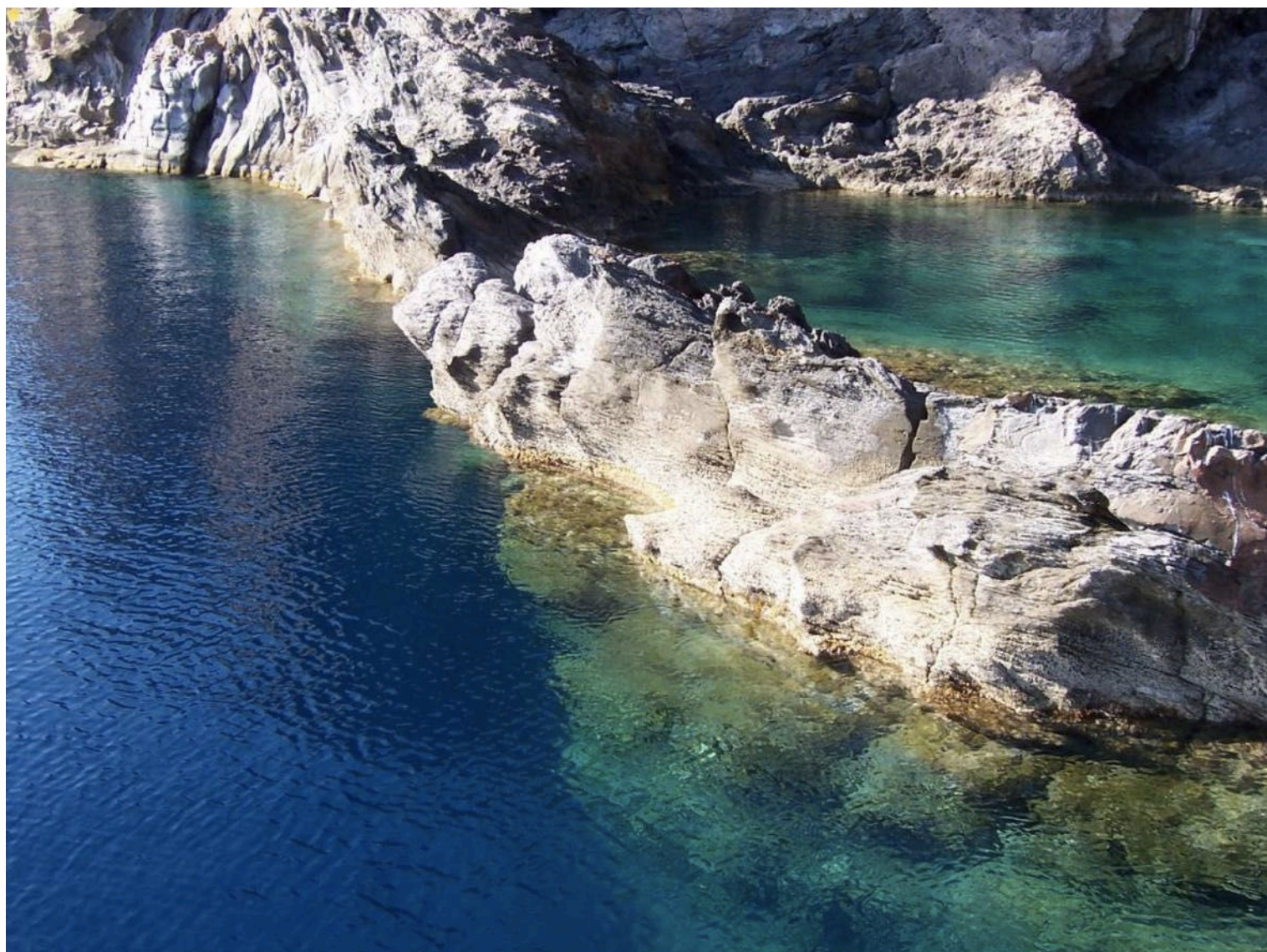
Липари (37,6 кв.км.) – самый крупный и самый населенный из островов архипелага (около 11 тысяч жителей), расположен в 30-и км к северу от Мессины. В летний туристический сезон население острова доходит до 20 тысяч человек. Крупнейший населенный пункт – город Липари, который находится на восточном берегу острова, у подножья горы Роза (Monte Rosa) , и является административным центром архипелага - только остров Салина имеет свои независимые муниципалитеты. Остров Липари не проявляет сегодня вулканической деятельности, его вулканы считаются потухшими, их конусы хорошо сохранились. Последнее извержение произошло 230 тысяч лет тому назад. Город Липари является одним из древнейших городов мира. Все, что вокруг, — сплошной археологический музей, поэтому город Липари именуют также музеем под открытым небом. Потрясает коллекция глиняных театральных масок, относящихся к эпохе Древней Греции. К природно-историческим достопримечательностям Липари относят термы Сан Калоджеро. Это самые древние, из дошедших до наших дней термальных конструкций (XVII век до нашей эры!), каналы подачи воды, резервуары для подогрева и пр. Еще одно потрясающее воображение место следует

увидеть на острове – это известковые копи Липари: белые, словно занесенные снегом, вершины и склоны создают особое, фантастическое ощущение, как и белоснежный пляж, и неестественно бирюзовое море.

Салина (26,8 кв.км.) – второй по величине остров с населением около 2400 человек. Остров состоит из двух спящих вулканов: на востоке – Фосса делле Фельчи, высотой 968 м, что является наивысшей точкой всех Эоловых (Липарских) островов и на западе – Монте дей Порри (860 метров). Еще шесть вулканов разбросаны по всему острову, и самые древние из них уже мало напоминают вулканы. Последнее извержение вулкана Поллара, расположенного в западной части острова, было около 13 тысяч лет назад. Сейчас здесь ничего не бурлит под ногами и не благоухает вулканическими испарениями (которые, кстати, полезны для бронхов и легких). На острове красивейшие места, чистое, богатое рыбой море, покрытые зеленью холмы, виноградники и оливковые рощи. Здесь выращивают знаменитые каперсы, полезные медицинские свойства которых отмечал сам Гиппократ.

Вулкано (21 кв.км.) – самый южный из Липарских островов с населением около 500 человек, расположен в 25 км к северу от Сицилии и представляет собой вулканический массив с несколькими кратерами. Этот остров греки называли Иера (священный), полагая, что именно здесь живет Эол, хранящий в кожаных мехах все восемь ветров Средиземноморья, а глубоко в недрах земли, согласно легендам пылают печи божественной кузницы, в которой Гефест и циклопы куят стрелы для громовержца Зевса. Римляне, переименовав бога, назвали остров его новым именем – Вулкано. Придание гласит, что в том месте, где у скалистых берегов, застывшая вулканическая порода образовала своеобразный бассейн, богиня красоты Венера, искупавшись, вернула себе девственность. К бассейну Венеры можно добраться только с моря на лодке. В центре острова находится вулкан Grand Cratere с двумя кратерами. Первые сведения о нем встречаются еще в записях V века до н.э., после чего

было отмечено около 15 извержений. Последнее извержение произошло в 1888-1890 гг. и с тех пор по сегодняшний день на острове постоянно «дышат» газами фумаролы – трещины и отверстия, располагающиеся в кратерах, на склонах и у подножья вулкана. Восхождение на вулкан занимает около 40 минут, но усилия оправдываются теми ощущениями, которые возникают от возможности заглянуть прямо в жерло вулкана, от вида соседних островов и безграничного моря, упирающегося в горизонт. Кратер вулкана забит лавовой пробкой, вдоль разломов кратера желтыми полосами отложилась сера, у подножья вулкана расположены термальные источники, подогреваемые самим вулканом, и поэтому, остров Вулкано столь привлекателен своими серными грязевыми ваннами, погружение в которые, лечит от всех болезней. Этот горячий источник пробивается откуда-то из недр вулкана, где действуют подземные фумаролы, а потом вливается в море, поэтому в некоторых местах море «бурлит», как джакузи. Здесь в воду следует заходить в пляжных тапках, иначе можно обжечь ноги. На острове Вулкано можно увидеть многочисленные стада овец и коз, круглый год пасущиеся на плодородных склонах вулкана. Это единственный остров архипелага, где сельское хозяйство представлено животноводством.

Стромболи (21 кв.км) – самый дальний от Сицилии, самый молодой (возраст 113 тысяч лет), самый восточный остров с действующим, постоянно активным вулканом (3 кратера), который знаменит частыми, маленькими извержениями, наблюдаемыми с разных точек моря. Извержения вулкана Стромболи – это практически одно непрекращающееся извержение, длящееся последние 20 тысяч лет. Этот тип извержения называется стромболийским, характеризуется малыми и умеренными взрывами на вершине кратера с интервалом от нескольких минут до 1 часа (в среднем, 15-20 мин). Как правило, извержение приводит к короткому выбросу вулканических бомб на высоту от 150 м до 3 км, а также пепла и газов. Нередко газы выделяются без пепла в виде белых облаков. Ночью, благодаря подсветке

снизу лавой, они могут быть видны на большие расстояния, благодаря этому Стромболи называют «Маяком Средиземноморья». Как гласят легенды, когда-то извергающая лаву гора служила природным маяком, по которому сверял свой путь Одиссей. Современных мореплавателей такой ориентир уже не устраивал. Для них в 1905 году на соседнем крошечном островке Стромболино построили настоящий маяк, к которому ведет узкая крутая лестница, но желающих подняться по ней очень мало.

Стромболи увековечил выдающийся кинорежиссер Роберто Росселини, снявший в 1950 году фильм «Стромболи, земля Божья» с Ингрид Бергман в главной роли.

Стромболино. Население острова около 750 человек. На острове всего 2 деревни. Нет автомобилей, т.к. нет автодорог. Вода на острове привозная, но сейчас уже начинается процесс по опреснению морской воды. Северная сторона острова суровая и скалистая, а на восточной стороне прекрасные зеленые холмы, покрытые оливковыми рощами и виноградниками. Каперсы с нежными цветками, типичное растение этих мест. Здесь также производится знаменитое вино «Мальвазия».

Остров Филикуди (9,5 кв.км.) расположен западнее острова Салина, в 65 км от Мессины. На острове расположены несколько деревень. Помимо рыболовства, на острове развито сельское хозяйство, выращивают виноград, оливки, зерновые и овощи. В 1997 году примерно три четверти территории острова (7 кв. км.) передано под заповедник. Название острова — искажённое от греческого *Phoenicusa*, означает «финикийский».

Аликуди (5,2 кв.км) – самый западный остров архипелага, находится в 20-и км западнее острова Фуликуди. Название Аликуди происходит от греческого названия вечнозеленных растений семейства вересковых эрики, которое обильно произрастает на острове. Остров Аликуди имеет форму конуса и образовался почти 60 тысяч лет тому назад на месте вулкана Монтаньона, последнее извержение

которого произошло 30 тысяч лет тому назад. Несмотря на то, что остров был известен еще с древних времен, он долго оставался необитаемым. В эпоху Средневековья Аликуди, как и другие острова архипелага, был пристанищем пиратов и корсаров, хотя найденные на нем останки человеческой деятельности датируются еще периодом 1800-1700 гг до нашей эры. Постоянное население на острове появилось лишь только в XVIII веке и согласно переписи начала XXI века, составляло примерно 140 человек, заселяющих, в основном, восток острова, где среди возделываемых террас разбросаны типичные для здешних мест домики, побеленные известью. Основное занятие населения – рыболовство. Остров-конус привлекает к себе необычным ландшафтом. Сооруженные в древности большие лестницы овивают весь остров, спускаясь и поднимаясь между небольшими вилами, церковью и другими сооружениями.

Панареа (3,24 кв.км) – один из самых маленьких островов Липарского архипелага с населением около 280 человек расположен в 22 км от Мессины. Этот самый элегантный остров покоряет своей первозданной красотой, а также памятниками античной цивилизации. Здесь только 3 маленьких поселения с типичными для островитян домиками с низкими стенами и двориками. Отели-бутики, магазины-бутики, утонченная кухня, известные ночные дискотеки – все создано для звездного незабываемого отдыха.

Linosa – остров далеко от всего: от Сицилии, от Африки, от Мальты, - но в этом его очарование. Выветренные скалы, морские черепахи, откладывающие яйца...